

0-788277

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ДЕМИДОВ Дмитрий Григорьевич

**УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В
ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ:
СВЯЗАННЫЕ И СВОБОДНЫЕ ФУНКЦИИ**

Специальность 10.02.01. – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

С.-Петербург – 2011

573881

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Колесов Владимир Викторович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Баранов Виктор Аркадьевич
(Ижевский государственный технический университет)

доктор филологических наук, профессор
Зиновьева Елена Иннокентьевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

доктор филологических наук, профессор
Григорьев Андрей Владимирович
(Московский государственный педагогический университет)

Ведущая организация: **Петрозаводский государственный университет**

Защита состоится «23» июня 2011 года в 14 часов на заседании
совета Д.212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при
Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 119034,
г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.
М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (119034,
г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан «12» мая 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000677817

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Руднев Д.В.

Своими основами местоимения (далее м-я) выражают такие же субъективно-объективные категории, как и флексии (А.М. Пешковский). Лексические свойства м-й грамматичны и они, наряду с неполнозначительными словами, включаются в указательное (далее ук-ое) поле языка. Свободные элементы этого поля либо связываются в виде формантов полнозначительных слов - элементов символического поля языка (Фр. Бопп, В. фон Гумбольдт) и приобретают словообразующую силу, либо служат силой текстообразующей, оставаясь самостоятельными склоняемыми м-ми, застывая в виде частиц (далее ч-ц) или производя новые наречия и союзы.

Вторичные признаки этого процесса удается проследить на материале письменной истории русского языка. Изучение его предыстории помогает выполнению задачи внутренней реконструкции строения текста, слова, морфемы.

Философским основанием исследования послужило различение исторического и естественнонаучного понятия (И. Кант, Г. Риккерт, К. Поппер), а также искания и опыт русских мыслителей и филологов (Н.О. Лосский, о. Павел Флоренский, Л.В. Щерба, Н.С. Трубецкой, В.В. Виноградов). Положения индоевропейского и славянского языкознания принимаются как **данное**, уточнение фактов частного русского языкознания с точки зрения происхождения и функций (далее ф-й) м-й и аффиксов полагается как **заданное**. Поступательное изменение языка изучается по памятникам письменности без разбиения на синхронные срезы; старорусские списки древнерусских текстов, в разной степени подчиненные церковно-славянской норме русского языка, включаются в число полноценных источников истории единого литературного языка.

Объектом исследования выступают значимые элементы русского языка, являющиеся, либо когда-либо бывшие, либо предположительно являвшиеся ук-ыми (и/или анафорическими, относительными, либо неопределенными) м-ями, либо могущие быть сопоставимыми по ряду признаков с таковыми.

Предметом исследования взяты связанные и свободные ф-и местоименных основ в истории русского языка.

Морфологические процессы исследуются на синтаксической основе (А.А. Потебня, Б. Дельбрюк, И.И. Мещанинов, Г.С. Кнабе, З.К. Тарланов). Анафорические отсылки, вызывающие в определенных условиях суффиксирование м-й, происходят в интересах слушающего (читающего), который стимулирует языковые изменения в процессе речевой деятельности (Л.В. Щерба). Второй член высказывания ослабевает (И. Ваккернагель) и агглютинируется первому, ослабевает и ф-ональная нагрузка фонем в ауслауте (Ю.С. Кудрявцев), это дает возможность слову морфологически оформиться и вычлениваться из текста.

Исходной **гипотезой** предпринимаемого исследования является такое историческое изменение в дейктических системах текстов (в том числе минимальных словосочетаний), которое в дописьменную эпоху позволяло образоваться новым словам из простейших полнозначительных слов и примыкающих к ним в постпозиции местоименных основ, что было распространено в условиях предметоцентрического принципа указания, признаки которого

обнаруживаются еще и в письменную эпоху; но в конце концов практика составления монологических текстов приводит к эгоцентрической дейктической системе современного русского языка. Древнейший лексико-синтаксический способ словообразования уступает место новейшему морфологическому способу, а свободные ук-ые м-я утрачивают свою исходную субстантивность.

Помимо собственно лексического состава, основным **источником** исследования явились эпиграфические памятники и грамоты. Именно в них наиболее ярко выражены собственно дейктическая, анафорическая и квазиартиклевая ф-и м-й. Дополнительными источниками послужили русские законодательные акты с предписующим («перформативным») содержанием, хождения с информативным описательным содержанием, летописи и жития с повествовательным содержанием.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении сферы применения сравнительно-исторического метода в постструктуралистскую эпоху развития языкознания, в частности приемов внутренней реконструкции основ в одном языке и внутренней реконструкции категорий в разных родственных языках; в развитии функционального направления русского языкознания; в обосновании синтаксической основы лексико-морфологических исследований; в необходимом продуктивном сближении частного и общего языкознания.

Практическая значимость состоит в уточнении семантической стороны и отождествлении некоторых словообразовательных и словоизменительных формантов друг с другом и с м-ми, следовательно в совершенствовании дисциплины «историческое словообразование русского языка»; в корректировке ф-онально-семантических системных подробностей истории русских ук-ых, анафорических, относительных и личных м-й, следовательно в углублении дисциплины «историческая морфология русского языка» бакалавриата и соответствующих спецкурсов магистерских программ; в обосновании ряда перспективных проектов лингвистических исследований, соединяющих компаративистику и русистику; в возможности исторических обоснований принятых ныне правил и сложившихся традиций правописания оборотов с м-ми и местоименными ч-цами; в совершенствовании рекомендаций для преподавания тем «м-е», «ч-ца», «союз», «члены предложения», «сложное предложение» в средней и высшей школе.

Актуальность исследования заключается в последовательном наблюдении ф-й ук-ых м-й в текстах разных эпох и жанров. Она обусловлена следующим:

- высокой частотностью и чрезвычайно необходимой ролью этого класса слов в связывании текста с действительностью и элементов текста - друг с другом;
- недостаточной разработанностью вопроса исторических переходов явлений лексики в содержание грамматики на семантико-синтаксической основе и достаточной собственно морфологической базой для решения этого вопроса;
- надежно исследованным словообразовательным материалом, подготовленным трудами в области сравнительной грамматики славянских языков, что позволяет поставить логически вытекающую следующую задачу выяснения происхождения образовательных формантов;
- необходимостью, обязательностью и постоянством выражения дейктических и анафорических отношений, всегда национально и исторически своеобразных, дающих хорошие перспективы для важных выводов в области русского менталитета

и позволяющих почерпнуть ценные данные для характеристики русской ментальности;

- фактической рассогласованностью и трудной сопоставимостью друг с другом теорий референции, дейксиса, артикля в разных традициях общего и частного языкознания;

- малыми темпами верификации и определения границ применимости классической гипотезы агглютинации Франца Боппа, поддержанной несколькими поколениями языковедов-индоевропейцев, слабым интересом к ее доказательству среди представителей частного языкознания.

Цель исследования сводится к следующему: выявить, систематизировать, проследить исторические связи и изменения в русском языке ф-й местоименных основ на базе их панхронического тождества в состояниях связанных словообразовательных и словоизменительных формантов и свободных самостоятельных изменяющихся по своим морфологическим формам ук-ых м-й, представляющих собой слово- и формообразующие, а также образующие синтаксические конструкции и текстовую когезию «монемы» (лексемы, могущие быть и морфемами).

Для достижения поставленной цели последовательно выполняются следующие **задачи**:

1) Выявить членимые, в том числе в результате имеющихся этимологических разысканий, слова русского языка исконного происхождения, прежде всего образованные по непродуктивным словообразовательным моделям.

2) Ввиду практической невыполнимости задачи дать исчерпывающий список таких слов, возможно полнее разыскать имевшиеся и имеющиеся словообразовательные форманты с их словообразовательными значениями.

3) В самих формантах вычленивать простейшие первообразные однофонемные суффиксы и определить их сочетательные и семантические возможности.

4) Максимально воспользоваться надежно реконструированными праформами словоизменительных формантов, имея в виду восстановление их до эпохи переразложения.

5) Соотнести такие словоизменительные форманты с исторически действовавшими морфологическими категориями.

6) На основе исчерпывающего перечня всех возможных бинарных эквиолентных оппозиций найденных и рассмотренных на русском лексическом материале минимальных первообразных формантов последовательно соотнести морфемы, их составляющие, с основами известных русских м-й, учитывая поправки на относительную хронологию фонетических законов. Проверить таким образом объяснительную способность гипотезы Фр. Боппа.

7) Рассмотреть действие ук-ого поля русского языка в исторической перспективе, в частности:

8) определить наиболее подходящие для выяснения дейктической ф-и ук-ых м-й типы памятников письменности и фрагментов текстов, рассмотреть в них употребления ук-ых ч-ц и м-й в хронологической последовательности;

9) специально изучить употребление этой лексики в деловой письменности с точки зрения выполняемых ею дейктических и анафорических ф-й, соотносясь с историческими преобразованиями в традиционных формулах и синтаксических моделях, перерастающих в конструкции;

10) сопоставить полученные результаты с данными других памятников письменности, имеющих предписующий (законодательный), описательный и повествовательный характер;

11) выявить изменения в парадигматической ценности местоименных лексем и дать возможные объяснения полученных данных в сфере менталитета и отчасти ментальности.

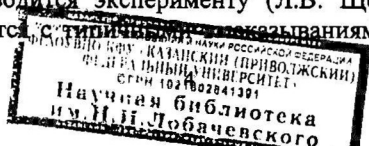
Методология и методы исследования. С целью объективно согласовать рациональное и эмпирическое знание (И. Кант), прибегаем к индивидуализирующему методу как основному, к которому на ответственных стадиях необходимо добавляется метод генерализирующий (Г. Риккерт). Индивидуальное происхождение и изменение опирается на генерализированные понятия форматива и морфемы; употребления слова и лексемы; словоформы и морфологической парадигмы; формулы, синтаксической модели и синтаксической конструкции.

Учитывая специфику языка как изменяющегося предмета исследования, этот метод, по Э. Косериу, можно назвать **методом структуральной истории**. В его требования входит обязательное различие ф-и системы и ее эволюции. Опора на ф-и показывает существо эволютивной лингвистики (А. Мартине). В конечном счете, эволюция системы - это и есть ее ф-я (от индивидуально-речевого до национально-языкового уровня). Генетический признак обязательно предопределяет собою признак функциональный и направление эволюции.

Новый материал привлекается до тех пор, пока не обнаруживается некоторая историческая тенденция. Новые факты, противоречащие уже определенной тенденции, не смогут ее опровергнуть, но лишь заставят сделать вывод об иной, конкурирующей тенденции. Наблюдения, повторные и последующие, служат проверкой выстроенных гипотез, т.е. попыткой их опровержения. Если попытка опровержения не удастся, приходится усиливать гипотезу, расширять ее «демаркацию». Именно в этом состоит прием «фальсификации» как критерий научности (К. Поппер). Такой прием выполняется в рамках кантианского критического метода.

Соотнося отдельные м-я друг с другом, мы соотносили и образовательные форманты друг с другом, выстраивая содержательные корреляции двух рядов полученных пар - свободных м-й и связанных суффиксов, предположительно восходящих к тем же местоименным основам. Такой прием можно назвать **коррелятивным**. Он выполняется в рамках внутренней реконструкции категорий и форм (Е. Курилович).

Известное место отводится эксперименту (Л.В. Щерба), в котором данные древнего текста сверяются с аналогиями современного русского

языка, допустимость которых определяется автором на основе лингвистической компетенции в области русского языка как родного.

Вопрос о происхождении того или иного элемента языка - ключевой и начальный момент всякого рассуждения о его истории (В. фон Гумбольдт). Специфика аффиксов в том, что у подавляющего большинства из них отсутствует выраженная собственная внутренняя форма, поскольку семантика м-й, от которых они предположительно произошли, всегда релятивна. Внешняя форма слова объясняется внешней формой предложения.

Направление исследований в области русского исторического языкознания, принятое в трудах А.А. Потебни, А.В. Попова, Д.Н. Овсянко-Куликовского, И.А. Бодуэна де Куртене, Л.П. Якубинского, М.А. Соколовой, наших современников В.М. Маркова, В.В. Колесова, З.К. Тарланова, В.И. Дегтярева, О.Ф. Жолобова, В.А. Баранова и др. ученых, принимается и нами. В определенные моменты собственно историческая исследовательская процедура необходимо должна дополняться реконструкцией элементов дописьменного состояния языка, и результаты этих реконструкций, в свою очередь, становятся конструктивной составляющей собственно исторического описания и объяснения языковых изменений.

Новизна работы состоит в том, что впервые на материале одного русского языка произведено фронтальное сопоставление основ ук-ых, анафорических и неопределенных м-й с первообразными формантами по признаку фонологического тождества и сходству дейктических ф-й, что является условием поиска тождества генетического. Впервые в разнообразных русских текстах с первых памятников письменности показаны важнейшие ф-и дейктиков - местоименных лексем. Уточнена синтаксическая и парадигматическая история слов *сей, тотъ, онъ, его*; собраны и разъяснены традиционные формулы, содержащие эти м-я. Сделаны выводы в области русской ментальности. Существенно развита теория дейксиса (далее д-сиса), разработанная К. Бюлером. Показано, что в древнерусском (и это должно быть индоевропейским наследием) между топоместическим и эгоцентрическим находится **предметоцентрический д-с (ПД)**.

Положения, выносимые на защиту.

1) Первообразные форманты, созвучные с местоименными основами, показывают справедливость гипотезы агглютинации Фр. Боппа как конкретные результаты действия ук-ого (дейктического) поля русского языка в дописьменные эпохи. Из таких созвучий и пропорциональных соотношений следует генетическое тождество морфем, аффиксальных в одном случае и корневых (местоименных) в другом случае.

2) Наиболее приемлемой и исторически достоверной формой демонстрации такого тождества являются бинарные эквивалентные оппозиции, показывающие изофункциональность свободных ук-ых м-й и связанных предположительно родственных им формантов.

3) Доисторическая дейктическая ф-я первоначальных элементов ук-ого поля языка (ч-ц, партикул, простейших м-й) тем или иным образом сохраняет свои следы в позднейшей словообразовательной и словоизменительной системах русского языка.

4) На примере более подробного рассмотрения суффикс -л- удается показать остатки ф-й прежнего ук-ого м-я *о^л, отсылающего к невидимому, о котором требуется словесное сообщение. Подобные остатки можно проследить и на базе других м-й.

5) Суффикс -к/ч/ц- и производные (с разнообразными наращениями слева) генетически тождествен неопределенно-вопросительному м-ю кь(мо)/чь(мо), которое, в отличие от ук-ых м-й, никогда не участвует в формообразовании, а в словообразовании в той или иной мере сохраняет оттенок неопределенности.

6) По своему семиотическому содержанию памятники эпиграфики и приписки на пергаменных и бумажных памятниках письменности составляют достоверный исторический источник для изучения первичной дейктической ф-и ук-ых м-й.

7) Атрибутивная постпозиция ук-ых м-й первична, атрибутивная препозиция вторична и служит больше не для первичного д-сиса, а для текстовой анафоры, участвуя в образовании исторически перспективных типов номинальных анафоров (сочетаний атрибутивного м-я с существительным).

8) Артиклеподобная ф-я препозитивных атрибутов, развивающаяся в поздних грамотах в условиях усиления строгости анафоры в удлиняющихся со временем кореферентных (и коденотативных) цепях, не приводит в русском языке к грамматикализации определенного артикля. Эта тенденция уступает место усиленному развитию номинальной анафоры. В русской речи повторная номинация означает не кореферентность, а припоминание той же реальной вещи.

9) Субстантивная ф-я оказывается востребованной в виде прономинальной анафоры в конце кореферентных цепей (*его-ему*, а для лица, в XV-XVII вв., также *онъ*), а также в виде соотносительного слова *то(тъ)*, служащего опорой относительных синтаксических моделей в качестве некатафорической анафоры (*ажже... то...; кто... тому...*). Катафорическая ф-я этого слова не развивается, вместо нее складываются новейшие составные союзные средства типа *потому что*, служащие для оформления конструкций гипотаксиса.

10) Дейктик ближайшей степени дальности *сь* в ранних памятниках письменности служил для указания на точку отсчета, для каждого эпизода свою и при грамматически невыраженной точке зрения автора. Зарождение **общевропейского** Нового Времени (XVI-XVII вв.) привело к тому, что этот дейктик стал изобразительным в условиях нового для русских эгоцентрического д-са (ЭД). Авторы стали осознавать дистанцию между собою и демонстрируемым читателю предметом речи. М-е *сей* превратилось в яркое риторическое и стилистическое средство.

11) Помимо топомнестического и эгоцентрического типов д-сиса, существовал промежуточный предметоцентрический тип д-сиса (необходимо восстановленная средняя ступень), лучше сохранявшийся в восточно- и центральноиндоевропейских языках. История русского языка дает довольно

заметные признаки перехода с ПД на ЭЦ. Это, в частности, отражается в лексических замещениях *сей* ← *этот* и *оний* ← *тот*. Указанный переход начался после сложения градуальных оппозиций ук-ых м-й на основе серии прежних эквиолентных оппозиций (в результате чего утратились лексемы **оѣ* и *оѡѣ*) и в целом завершился в условиях новых бинарных привативных оппозиций, в которые вошли не только ук-ые, но и личные м-я. М-е *онѣ* перестало быть личным.

12) Перестройка системы жанров письменности и появление в недрах старшей церковно-славянской нормы литературного языка нормы младшей русской в течение XVII-XVIII вв. повлекло за собой также и сдвиги в дейктической системе языка, лучше соответствовавшие новому рациональному менталитету. Русская ментальность в целом выражалась и выражается наложением дейктических систем традиционных текстов на новую дейктическую систему языка. В результате весь XIX век сосуществуют *сей* и *этотъ*, *оний* и *тотъ*. Современное предметное анафорическое м-е *он* приходится рассматривать как прямое ментальное наследие ук-ого м-я *оний*. Формы косвенных падежей этого м-я *его-ему* не претерпели сколько-нибудь существенных функциональных изменений. Форма И.п. *онѣ* по происхождению есть ук-ое м-е третьей степени дальности, но с привычным антецедентом-лицом. К XV в. м-е *онѣ-его* становится личным, в XVII в. даже получает атрибутивную ф-ю, но позже вместе с косвенными формами становится отсылочным (анафорическ).

Апробация: Материалы исследования обсуждались на конференциях разных уровней: Заседание, посвященное 150-летию кафедры русского яз. «Мысли об истории русского яз.: Прошлое, настоящее, будущее», С.-Петербург (1999); Междунар. конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва (2001, 2004); Междунар. филологическая конф., С.-Петербург (2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010); Междунар. Рождественские образовательные чтения, Москва (2004); Междунар. научн. конф. «Церковнославянский яз.: история, исследование, преподавание», Москва (2004); Научные чтения Петербургского лингвистического общества, С.-Петербург (2003, 2004); I Всеросс. конф. «Русский яз. XIX века: проблемы изучения и лексикографического описания», С.-Петербург (2004); Седьмая междунар. конф. «Грамматические категории и единицы», Владимир (2007); XI Конгресс МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире», Варна (2007); «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» Восьмая междунар. конф. (Владимир, 24-26 сент. 2009 г.); Школа для молодых ученых «Письменное наследие и современные информационные технологии», Ижевск (2009).

Основные положения исследования изложены в 28 публикациях общим объемом 21 п.л., из них 1 монография, 8 статей в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Работа состоит из Введения, 5 глав, Заключение, списка использованной литературы, включающего 483 позиции, в том числе 20 словарей, и списка источников, включающего 43 наименования публикаций текстов. Общий текст составляет 611 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Теория д-сиса и возможные способы ее приложения к истории русского литературного языка» названная теория рассматривается критически, разрабатывается теоретический инструментарий исследования, который детализируется и пополняется во всех следующих главах.

Специфика ук-ых м-й в том, что они имеют либо прямой (при непосредственном указании на предмет), либо косвенный (в тексте) денотат и не имеют смысла (Г. Фреге), который заключен в том предмете или слове, к которому оно отсылает. Смысл отсутствует в м-и «3-го лица», понятие лица приложимо к корреляции я : ты (Э. Бенвенист). Я и ты могут быть идентифицированы только в конкретном речевом акте и совершенно отличны от субститутов элементов текста он или это. По своей лексической сущности, слова я и ты гораздо ближе к именам релятивной семантики вроде отец, мать, чем к м-ям.

Все прочие знаки языка могут быть противопоставлены Я-знаку по признаку неабсолютной субъективности; Я-знак обладает уникальным способом номинации по отношению к субъекту речевой деятельности (В.Б. Евтюхин). «Пропуск» личных м-й в древнерусском предложении в позиции подлежащего говорит об их вторичном характере. Все личные м-я в индоевропейском языке произошли из ук-ых. Формы косвенных падежей, в том числе его-ему, сложились раньше; к ним присоединились супплетивные начальные формы, в последнюю очередь онь.

Все полнознаменательные слова, особенно имена релятивной семантики, и называют, и отсылают: в своих употреблении они так или иначе указывают на роль актанта ситуации в акте речи и проявляют признаки м-й. Так, очень яркие и характерные признаки м-й, выделяемые О.Н. Селиверстовой, могут быть распространены на некоторые другие разряды лексики и поэтому не вправе считаться дифференцирующими. Скорее всего, придется удовлетвориться отрицательной характеристикой: м-я ничего не называют, они только отсылают к предметам или словам. Та или иная «местоименность» свойственна всем словоформам, способным входить в синонимические отношения, особенно производным и мотивированным. Эта остаточная местоименность может быть рассматриваема как наследие когда-то присоединенной дейктической местоименной ч-цы, ставшей формантом. В семантике слова это проявляется как совокупность собственных квалифицирующих сем и относительных (релятивных) сем; в словах есть семы самой вещи и семы отношения. В семантической структуре как полнознаменательных производных слов, так и м-й, существует релятивная сема, только в м-ях она преобладает (Е.М. Вольф, Р.М. Гайсина).

Все это служит основанием гипотезы Боппа, как и схожесть ф-й служебных и местоименных слов и аффиксальных морфем. Схожие ф-и позволяют проверять бывшее тождество носителей этих ф-й. В случае доказанного тождества, принцип изоморфизма словообразовательного и синтаксического уровней (Е. Курилович, В.В. Гуревич) обрел бы свое конкретно-историческое эмпирическое воплощение.

М-я получают свой смысл только в ук-ом поле языка. Основных способов указания три: наглядный (Deixis ad oculo), анафорический и д-сис к воображаемому

(Deixis am Phantasma) (К. Бюлер). Если в центре ук-ого поля оказывается говорящий и д-сис исчисляется исходя из системы «здесь-сейчас-я», то возникает ЭД, как в латинском или немецком.

Самые строгие определения дейктических единиц, напр., как имеющих референты, но не имеющих десигнагов (У. Вейнрейх, Д.С. Кадцельсон, Е.В. Падучева, С.А. Крылов), исключают личные м-я из состава дейктиков: их десигнагом является 'любое лицо'. Морфологическая природа слов *я* и *ты* также сближает их с именами (в славянском скл. на *-согл. и на *-а при архаическом отсутствии согласовательной категории рода). Говорящий не может по своей воле назвать собеседника *мной*, а если он называет себя *тобой*, то осуществляется метонимический перенос с 'ты' на 'любой человек, в том числе и я', характерный для обычного существительного. В отличие от ук-ых и м-я «3-го лица», личные м-я в каждой данной ситуации требуют скорее номинативных усилий, чем дейктических. Элемент, который не может быть употреблен анафорически, не мог быть первоначально и дейктиком.

Следует различать морфологическую категорию лица глагола из трех членов и лексическую категорию лица из двух членов - говорящего и слушающего. Только «третье лицо» может быть описано в терминах языка как системы, первое и второе - в терминах языка как деятельности (Э. Бенвенист).

Первичному наглядному д-сису противопоставлена анафора как проявление вторичного д-сиса. При этом место предмета в мире, на который происходит указание, занимает слово в тексте, к которому происходит отсылка (антецедент). Антецедентом может быть и не конкретное слово, а целая ситуация, мысль, ассоциативно связанная с контекстом, в котором употреблено м-е, напр.: *Они мелют зерно и из этой муки пекут хлеб.* (М.Б. Бергельсон) Такую анафору мы называем нестройгой. Если антецедент располагается после м-я, возникает катафора. В настоящем исследовании разновидностью д-сиса считается анафора, разновидностью анафоры - катафора. Анафора может быть представлена как замещение, которое, в свою очередь, подразделяется на кореферентное и кодесигнативное (в нашей терминологии - коденотативное) (М.И. Откупщикова).

М-я помогают мыслить образами, минуя понятия. Идентифицирующая ф-я д-сиса сохраняется в тексте, если физический предмет (напр., город) заменен его демонстратом (напр., кружочком на карте - Deixis am Phantasma). Так или иначе в речи достигается апперцепционная известность объекта (А.В. Бондарко). Наше исследование показывает, вопреки А.А. Реформатскому, фундаментальные сдвиги при переходе от наглядного д-сиса к д-сису am Phantasma: это сопровождается переходом м-я с постпозиции в препозицию существительному, а в поздний период - стилистической обусловленностью употребления м-я *сей* вместо *тогда*.

Различаем дейктическую систему языка и дейктическую систему текста. Из разнообразных дейктических систем текстов, в которых может быть от одного до нескольких членов, складывается общая дейктическая система языка. Она по необходимости описывается в терминах прагматики, а не семантики. Тексты показывают возможные денотативные пространства для каждого из м-й.

Отношения между д-сисом и анафорой в последнее время активно и плодотворно изучаются зарубежными лингвистами (Фр. Бадер, М.Х. Висенте, Р.

Гарвег, Н.П. Гиммельманн, Л. Данон-Буало, Б. Крик, Т.Л. Маркей, Б. Палек, Г. Ситта, Г. Фатер, Ч. Филлмор и др.). В Бохуме, Париже, Мадриде, Мурсии сложились целые центры по изучению д-сиса в разных аспектах.

В историческом плане ф-и ук-ых и относительных м-й в русском языке изучали и изучают К.В. Басенко, Г.Д. Богатырева, В.И. Борковский, А.А. Гиппиус, Е.И. Гурьева, А. Золтан, К. Илиева, Е.С. Истрина, Г.А. Качевская, Р.Д. Кузнецова, И.П. Лысакова, Л.Я. Миловицкий, В.Н. Мигрин, Т.П. Рогожникова, Н.Д. Русинов, Т.С. Сергеева, А.Н. Стеценко, А.И. Сумкина, К.А. Тимофеев, В.И. Трубинский, М.В. Федорова, М.Г. Халанский, Л.Г. Чапаева, А.Ю. Чернышева, Н.А. Широкова, Т.С. Шулькина, И.Я. Элсберг, Л.П. Якубинский. В исследованиях И.П. Лысаковой, Т.С. Сергеевой, М.В. Федоровой и И.Я. Элсберг на материале разных жанров древнерусской письменности рассматривается функциональная история русских ук-ых м-й как центральная проблема. Работы последних лет в области ф-й ук-ых м-й в современном русском языке (Ю.И. Матвейкина, З.Ф. Юсупова) также помогают лучше понять их ф-и в прошлые эпохи.

Во второй главе «История связанных местоименных основ» словообразовательные и словоизменительные форманты сопоставляются с основами м-й. Вопрос о происхождении аффиксов решался либо в пользу (1) гипотезы адаптации (Фр. Шлегель), по которой м-я и ок-я возникли независимо друг от друга и позже были приспособлены друг к другу, либо в пользу (2) гипотезы агглютинации (Фр. Бопп). Вариантом (1) является схема эволюции: окончания появились раньше м-й, м-я же будто бы выделились из окончаний. С начала XX века утвердилась (2), все другие - критики не выдерживают (С.К. Булич). При дальнейшей работе с нею необходимо учитывать явления гетероклисии и супплетивности как наследия гетерогенных слоев, результаты фузии, субстратные и адстратные воздействия (Б.В. Горнунг). Местоименная молема (А. Мартине) управляется другими лексемами и образует с ними композиты, переходя в морфему. Все синтаксические позиции м-й заимствуются от имен, следовательно, сами они способны модифицировать имя в его синтаксической позиции (с дальнейшим словопроизводством) или, придавая ему таковую, не претендовать на свою собственную. М-я - идеальный материал для перехода композиты в деривацию (ср. возвратные глаголы на -ся, неопределенные м-я на -то, - случаи поздние и ясные). В позднейшей деривации скрыты следы первоначальной композиции.

Исторически некоторые словообразовательные аффиксы приняли на себя ф-и словоизменения и стали участвовать в морфологических парадигмах (П.С. Кузнецов), поэтому окончание (внешняя флексия) - частный случай суффикса. Так же, как сам суффикс образует формант слова, после переразложения образуются форманты суффикса: *свобод-ь* > *свобод-ь-н-ь* > *свобод-ьн-ь*. Форманты суффикса пока неизвестного происхождения мы называем формативами, сужая это морфологическое понятие за счет (надеюсь, временной) генетической недостоверности. Формативы и форманты суффиксов способствуют их превращению в действующие морфемы, которые участвуют в деривации. Распространение корня, состоящее из одной согласной без чередующейся гласной, (Э. Бенвенист, А.Н. Савченко, Э.А. Макаев) в принципе также можно считать суффиксом, включая гетероклисию. Следует исключать лишь элементы, возникшие

в результате щепления корня, - процесса, обратного опрошению (Г.С. Клычков) и дающего вариацию корня (П. Перссон).

Древнейшие классические индоевропейские языки хорошо сохраняют границы между морфемами и словами (Р. Готье) и, несмотря на фузию, метатезу и др. затемняющие факторы, с учетом звуковых законов, позволяют вполне точно установить границы простейших производных корней и первообразных суффиксов. Труднее соотносить последние с местоименными основами. Ф. Шпехт выстраивает семантическую модель примитивной номинации, по которой древний индоеврославянец каждый раз отмечал суффиксами расположение предметов в пространстве так, как он это представлял себе. Правда, по мнению Ф. Шпехта, в центре этого пространства находился сам говорящий, с чем мы согласиться не можем. Лишь тип ПД непротиворечиво объясняет первичную агглютинацию дейктиков. Такое понимание укрепляет позиции «локалистов». Локализм возвращается и в новейшие труды (А. Эрхарт).

В главе в отношении словообразовательных формантов анализируется лексика из этимологических словарей, специальных обобщающих трудов Фр. Миклошича, А.Л. Дювернуа, А.С. Будиловича, В. Вондрака, А. Мейе, А. Вайана, С.Б. Бернштейна, Ж.Ж. Варбот, Ю.С. Азарх, Р. Эккерта, Ю.В. Откупщикова, В.М. Маркова, Э.А. Балалыкиной, Т.И. Вендиной и статей об отдельных словах и словообразовательных моделях. Теоретические основания взяты из классических трудов¹ (с поправками на позднейшие достижения), а также В.М. Маркова, Г.А. Николаева (который называет данное направление «словообразовательной палеонтологией»), Э.А. Балалыкиной. Фонетическое тождество первичных формантов уже требует опытной проверки их тождества генетического. Наоборот, культурно-семантические трудности при отождествлении корней должны быть поводом для признания их омонимичными. Корни придают словам индивидуальные представления, аффиксы организуют их в группы по словообразовательным моделям. Мы исходим из генетического тождества аффиксов, основ служебных слов и м-й и из генетического различия корней.

Предварительно отождествлялись фонетически изменившиеся варианты суффиксов. Так, суффикс отлагольного сущ. -ъв- (ср., также после переразложения, -ав- *держава*, -ив- *кропива*), как в варианте *женитьва*, закрепляется в виде -ъб- (*кошьба*, *борьба*). К *-v- восходят и суффиксы в словах *учеба*, *хвороба* (ср. -ов-). Совершенно иное происхождение суффикса в словах *верба*, *дубь*, *грабь*, *ястребь*, *голубь*, *рыба*, *трѣба*, *баба*. Он восходит к *-bh-, связан с ритуальными действиями и сопоставим с суффикс в словоформах *тебе*, *себе*, *тобой*, *собой*, слове *самъ* и с окончаниями Д.п. мн.ч. -мъ, Д.п. ед.ч. -мь и Тв.п. ед.ч. -ми. Первый суффикс восходит к дальнему дейктику *и-, второй - к ближнему дейктику *bh/m-.

Спорным остается вопрос о генетическом присоединении основы м-я *сей* к основам м-й *свой*, *себе*, *самъ*, которые, в свою очередь, уверенно сопоставляются с ок. И. и Р. п. ед.ч. м.р. *-s, суффикс -ес- (*очес-*, *словес-*) и нек. др. Нерешенным остается происхождение с- в слове *сей* (Из *-k- ? Германисты (Э. Прокош, В.М. Жирмунский) утверждают это безоговорочно, сближая нем. *hin*, лат. *hic* со слав. *сь*).

¹ Дювернуа А. Об историческом наслении в славянском словообразовании. М., 1867. Будилович А.С. Анализ составных частей славянского слова, с морфологической точки зрения. Киев, 1877.

Скорее всего, *съ, си, соу=сю* (В.п. ед.ч. ж.р.) - контаминированная парадигма, члены которой сближаются и с лат. *his*, и с дринд. *sa*. Ослабленный вид последней дает прасл. основу **si-*.

Иноязычные заимствования не учитывались, нерешенные вопросы с заимствованиями отмечаются (?), в диссертационном исследовании вопрос о некоторых из них рассматривается критически. В будущем следует более решительно привлекать заимствования из индоевропейских языков с генетически тождественными аффиксами, поскольку начало действия модели восходит к общиндоевропейскому, и на их фоне лучше видна специфика действия модели в русском языке (Ю.В. Откупщиков).

Решение задачи облегчается системным представлением изучаемых основ. Наиболее последовательно выражены общиндоевропейские оппозиция **i-* : **u-* (*его-ему* : *овъ*) (Е. Виндиш, К.Г. Красухин) и общеславянская **s-* : **t-* (*съ* : *тъ*) (Т.М. Николаева), включающая, соответственно, ближний : дальний дейктики. Все русские ук-ые м-я (в том числе только по происхождению ук-ые) объединяются в градуальную оппозицию их основ *j-* : *c-* : *t-* : *он-* : **ol-* : *ов-* (*его* : *съ* : *тъ* : *онъ* : **olъ* (ср. *олны*, *лонись*) : *овъ*), которая состоит из двух триад - ближайшей без начального *о-* и дальнейшей с начальным *о-*. Ср. **i-* : **o-* в праиндоевропейском, проявляющееся в склонении лат. *is*. Вместе с основой *j-* рассматриваем основу *m-* на основании личной грации **mi* : **si* : **ti*. Все основы противопоставляются неопределенной **k-* (*къто*, *что*).

Лексический материал обследован по местоименным ориентирам, исходя из следующего строения суффиксального форманта: 1) суффикс без формативов (наращений слева), «простые однофонемные суффиксы» (Ж.Ж. Варбот), 2) суффикс с формативом или формантом слева в виде гласной как результат переразложения, 3) сложный суффикс с присоединенными простыми формантами (реже формативами) слева как результат опрошения, ведущим остается последний элемент (Н.В. Крушевский), 4) суффикс как левый составной элемент нового сложного суффикса либо оставшийся в производящей основе нового производного слова, 5) суффикс (=ок.) как словоизменит. формант. Словообразовательные и морфологические значения первичных суффикс противопоставлялись попарно - каждый с каждым с выделениями случаев сл/обр-ой антонимии (ср. с синонимией, по Г.А. Николаеву).

**-ij-*: 1) **-j-* тьсть (свойство по м. линии), русь (собир., этнонимы), выпь (дикие животные), соль, плеть, ось, всь, мѣдь (орудия труда, минералы и металлы, поселения, рельефы, пригодные в хозяйстве), скръбь, свободь (качества), пять (колич. числит.), основы гл-в 4-го кл. и соотносимые с ними имена, **-jo-* рубль плеще говяждь, **-ja-* буря тыща. 2) **-j-* (образован путем простого удвоения) отъчий, -ье (собир.), -ни ж. и м. р. ладии судии, велий, -ея жнея, абие. 3) -ть -дь -о(е)сть -нь -знь/-снь -ль (отвлеч.), -ый стрый, -ѣи богатѣи (от глг.), после переразложения: грамотѣи, случай, -уй волуй, -ань, -ень, -ънь, -еть и -едь мокреть, -въ вервь, -твь, вѣтвь, -тъть локть, -ысть корысть, -јусть челюсть, -ель мятель, -ръ дебрь, -ль быть. 4) бочька, корькъ, овьца, брити. 5) столѣ, женѣ (Д. и М.), столѣхъ, яждь, иди, основы

наст. вр. с суффикс *-j- (для всех гл. 3-го кл. кроме корневых типа бию), прич. действ. з. на *-nt-j- *-s-j-, сравнит. степ., добръ-и. Усилит.-идентифицирующая ф-я местоименной ч-цы (О.В. Кукушкина) и ее анафорическая способность закрепились в выражении «слабых» падежей, оптатива-императива, наст. (актуального) вр., действ. з. (причаст.), объективации и усиления признака, определенности прилагательных (местоименных).

-м/б-: 1) -мо бельмо, мимо, самъ, семо, ярмо, -мъ глумъ, дымъ, умъ, шюмъ, храмъ, шлѣмъ, ячѣмъ и ячмы, седмъ (седьмой с суффикспревосх. степ.), -ба верба (ср. вѣртъ) трѣба, рыба (ср. рыти), -ма вѣдѣма, зима, солома, яма, -*то(s)- находит соответствия в греч., лат. (animus) балт., вероятно, этот же суффикс выступает в напряженном (и глухом) виде как -п-: вѣртѣпъ, скорлупа, такая же финаль есть и в греч. 2) -ъмъ яремъ, 3) -у/яб- ярябъ 'куропатка' ястря(е)бъ, -амо четверамо, тамо. 4) -мя/мен- время, -ман- дурманъ, -мѣн- ру(д)мѣнъ (румяный), -мно гумно, -имъ нелюдимъ, отчимъ, родимъ, -ьма весьма, -ьми вельми. 5) Если исходить из разделения на «сильные» (И. Р. В. З.) и «слабые» (Отл. Д. Т. М.) падежи (А.В. Попов), то *-m- (как и *-s-) участвует в образовании и тех и других: «сильные» И. и В. (*medhum, сестру), «слабые» Д. Т. (теб-, себ-, столомъ, столомъ, людьми), 1-е л. (есмь), страд. з. наст. вр. (ведомъ).

-j- : -м- = действит. : страдат. з. в наст. вр. = оптатив-импер. ко 2-му л. (слушающему) : 1-е л. (говорящий, ср. дай : дамъ) = прямое определенное указание : направление (сей : семо) = косвенное «3-е л.» (относит. м-е в зависимой синтаксической позиции) : косвенное «1-е л.» (личн. м-е в зависимой синтаксической позиции). Данная «внутренняя» оппозиция имеет следующие интегральные (общие) признаки: наст. вр., указание на участников диалога, зависимая синтаксическая позиция.

-с-: 1) -с/х- авось, белобрысый, бѣ(д)сь (ср. бој-а-тъся), блоха, рысь (по цвету ры(д)сь), брюхо, брусъ (от брысати 'скрести' ср. бросить убрусъ А.И. Корнев), верхъ (греч. оgos 'гора'), влась, ворохъ, (вы)вихъ (от вить), глась, горохъ, грѣхъ, духъ, жмыхъ, клась, кузь, лись и лиса, махъ, овсь, орѣхъ, (пере)полохъ, прахъ, слухъ, смѣхъ, спѣхъ, страхъ, усъ, чась (ср. чаяти), чихъ, вѣха, стрѣха, лѣха, плакса, пряха, птаха, сноха, черемуха, глухъ, кось, лихъ, лысь, плохъ, ру(д)сь, тихъ, гл-лы брехать (из бре-к-с-ать), жмыхать (от жать), слышать, порхать, тр(е)ясти. 2) -е(о)с- (ср.р. в В.п. ед.ч. -ос- в прочих падежах -es-) бѣлесый, гундосый, курносый, дивес-, дрѣвес-, истес- 'почка', колес-, личес-, ложес-, лютес-, небес-, очес-, рунес- 'овечья шерсть', 'всходы', словес- (что слышится), тѣлес-, тяжес-, удес-, ушес-, челес- 'главный основной' (чело челюсть 'круглый' связано с колес-), чрѣвес-, чудес- (ср. чюти), взаимовлияние с основами на *-о, -ех- лемехъ, мачеха, бабѣха, -еш- мокрешъ, -ох- возникло через контаминацию с -ух-, -их- (ср. сигм. аор.): пройдоха, выпивоха, -ош- кокошь, мокошь, пустошь, святоша, -ас- клѣбаса, рыбаць (рыбак), -ах- рубаха, сиромахъ (нищий), спаха (под влиянием спиха), черепаха. 3) -их- женихъ, купчиха, трусиха, гречиха, -ух- коужъ, лягуха, повитуха, старуха – очень продуктивный просторечный суффикс, -ус- – суффикс новый, т.к. не -х-: бабуся, (о)болтусъ, укр.

ділусь. 4) -хл- барахло (по Ю.Н. Откупшикову, заимств.), прилагат. на -ьск-, производные от них сущ. на -ьств-, глаголы на *-sk- типа ищущ (*iskj-), пас(к)у, прилагат. на -и(а)ст-, сущ. на -ость-, -есьн- ложесьно, ре(я)(д)сьница, ровесник, -осьн- лягосья, *-osj- хороший (ср. хоробрый), бросать (ср. брьснути 'брить скрести' диал. брокать 'бросать'), -ша крыша, -ыш бѣдыш, выигрыш, подкидыш, -аш- лѣваш (левша), мураш (муравей), докторша, спаша (сонливый ч-к), Маша, Сапа. 5) «Сильные» И. и Р. падежи, сигматический аор., имперф., прич. прош. вр. действ. з., сравнит. степ. (*sj и *jēs-).

-с- : -j- = аорист : наст. вр. = И.п. (субъект) : соотносительность с ним (*stol-o-s : добръ-и, и(же) и под.) = неотчуждаемая : отчуждаемая принадлежность = собственное качество : притяжательность,

-с- : -м- = слушающий (глухъ) : говорящий (глумъ, глупъ) = качество высокой степени : собирательность (белесый : бельмо).

-т/д- : -т- 1) -т- берѣста (родств. береза), болото 'белое' (по цвету растительности или почвы, в отличие от багна), доло(б)го, жито, злато, лыто, лѣто (?), мыто, мѣсто, путо, сито, съто, тѣсто, врьста, врата, глиста, короста, пята, трата, уста, быть 'имущество' (за)вѣтъ, листь, молоть (?), мость, нежить, нерестъ, пласть, плоть, пруть пѣрьсть супостать сътъ хвостъ хворость щить, вещь вѣсть горсть гость (благопо-)дать жать завистъ льсть масть мощъ нить опять память (на)пасть печь побыть пясть стать страсть тать трость чьясть, тощъ (от тък-т-), (из)вѣсть густъ желтъ жест(ок) златъ истъ люгъ пустъ святъ сытъ чистъ чѣт- чьясть, многочисленные сопоставления с дринд. лат. 2) -а(и ъ о е)т- богатъ власать крилатъ (-ат- = лат. -atus ср. alatus 'крылат'), четвертъ, животъ, грохотъ трепеть рокотъ шепеть хохотъ (ономатопеическ), ногтъ локтъ хребетъ, копотъ лаптъ слякотъ, скръжьтъ, решето (есть и в греч. и в герм.) тенето (сети ср. тетива), глухота клевета (есть в греч. сскр.), судя по дрвнем. -от(а) и -ѣд(а), суть разные огласовки одного и того же суффикс 3) -о(е)сть буестъ горестъ радость челюсть, -ѣнат- -оват- как расширения -ат-: перьнать, от *-и основ -оватъ виновать суковатъ, отсюда диминутивы бѣловатъ, -ит- срьдить мастить – от гл. IV кл., от *-и основ домовить плодовить, ланита, -(аи)ст- толсть, глазасть щекасть, железистъ користъ монисто (ожерелье) мясистъ плечистъ (можно оценить как суперлатив на -аст- -ист- -ост- ср. староста, А. Вайан, Э.А. Балалыкина), -с- сохраняет усилит. оттенок (смягчит. антоним -оват-), -аст- после смешения с -ас- (ср. болг. словацк. укр. бѣласы), -ище -лище -алище -овище обозначает увеличит-сть или пейоративность, место, муравьистъ плещистъ > муравьище плещище (аугментативы), -уть лоскутъ словутый, могутъ, -ыт- копыто корыто (возможно, -ы объясняется как в кам-ы-къ), -ят- девять десять, дѣтя козля, Петя Таня, -ач- -авт- и с др. наращенными слева глухачъ, *-тјо- орачъ, нищъ *niz-tјо обыщъ далее общьнъ отсюда *tјьпјо- древнесл. домашьнъ кромѣщьнъ русск. домашьнъ кромѣчьнъ нынѣчьнъ (нынешний, другой источник нового суффикс -шн- - модель днь – дньесь – дньесьнъ – днешний) овощъ, обща радоща, *-ітјо – возможно, при прил. на -ин-, далее – патронимы на -ичъ бояричъ, кривичъ, также при обозначении детей:

дѣтищъ, младищъ, наименования детей производятся от ж. имен, откуда -ичищъ при производящих на -ица. 4) -та- болтать бормотать (ср. тѣпѣть, шепѣть, а также антонимичное **ясный** голо-съ), -(а)тај- ратай и после переразложения: вожатай, глашатай, ходатай, все имена отглагольные, -тиј- вѣтий, ястий - от страд. прич. пр. вр., как отвлеч. сущ. - на -тие, -ти- (въ)с(т)рѣтити, *-т(ѣ)жъ- нищъ, третѣй, кощъ (ср. кошей), -т(е)р- братъ, дѣщеръ, матеръ, сестра, ятры, вѣтръ, утро, ядро, -тер/тор- который, вѣторый, етер, -тл- дят(е)ль, пѣт(е)ль, -тел- благодѣтель, -тѣкъ прибытькъ, сѣвитькъ, остатѣкъ, -тв- мрътѣвъ, черствѣвъ, жнитво, битва, бритва, клятва, паства, -ьств- – суфф., возникший по аналогии с -ьск-, -тун- пѣстунъ, -тухъ пѣтухъ, -ичич(щ)- робичичъ, -тырь (?) нѣмтырь (немой), пастырь, пластырь (греч. -тѣг), богатырь (тат. – по готовому образцу греч. происхождения), ср. исконное -ырь, -тати бормотати, грохотати, лепетати, работати, -тити заботити (к зобати), товарити, -шн- домашний, кромѣшный. 5) 3л., 2л. дв. и мн.ч., супин, инф. (-тъ в Р.=Д.=М. ед.), прич. страд. 3. прош. вр.

-д- 1) -д- бесѣда (ср. акафистъ), борода (от бор букв. 'колючая острая' -д- дейктически показывает нижнюю часть лица, ср. антонимичное и гиперонимичное воло-с-ы), от гл. вѣдѣ, гроздѣ (и грознь), кладѣ, плодѣ, стадо, тврьдѣ (от творити), удѣ, блѣдѣ, гнѣдѣ, грѣдѣ, младѣ, радѣ, рудѣ, скудѣ, сѣдѣ, худѣ, блюдо (Ю.В. Откупщиков, герм.?) бѣрдо 'гребень ткацкого станка', гнѣздо, говядо (возможно, собир. на -яд-), му-до, хоудѣ, чюдо (от чюти), бу-д-у, -да глуда (ср. гладѣкъ), гнида, груда, гряда, колода, ляда (ср. лядина), руда, страда, узда, ѣзда, уда, *-dĭ- владѣ 'волосы на голове', жрьдѣ (абляут к городѣ), задѣ, кудѣ и прокуда, мѣдѣ (от moi- 'бить ударять'), (ис)подѣ, пядѣ, *-dĭ- гадѣ, кладѣ, садѣ, стыдѣ, трудѣ, задѣ, плодѣ, подѣ, родѣ, рядѣ, смородѣ, солодѣ, трудѣ, удѣ, надѣ, передѣ, подѣ (исконное сущ.) поздѣ. 2) -ѣд- вражда (? ср. др. саксонск. wargida), правѣда, стражѣда, индоевроп. *-etā другой слав. вариант – ота, -од- ягода громада лагода лобода (и лебеда) свобода, -ад- громада, голяда 'нищий голый человек', съковрада, ѣзда, стадо. 3) -зда борозда (ср. борона боров бороться букв. 'разрезанное'), форматив *-z- в -зд- подобен *-s- индоевроп. суфф.-ов *-mo- *-men- *-no- *-to- *-lo- и др. (Ю.В. Откупщиков), *-end- мокрядѣ, челядѣ, осядѣ, ягнядѣ, говядо, с -е/о- желудѣ. 4) *-ds- бѣсъ, *-dj- брѣ-жда (от *bher- 'нести'), -дѣн- блѣдный, клюдити 'сказать' (расширение при пом. -л- *kleu- ср. (пере)клокати), чюдити, -дѣкъ с темой -и: гладѣкъ, жидѣкъ, рѣдѣкъ. сладѣкъ, -да куда, -де(ѣ) кѣде, -ды куды, -ду всюду. 5) Праслав. ок. Отл. п.

-т- : -j- = страдат. : действ. залог = предметность (чѣто) : притяжательность (чѣи),

-т- : -м- = прош. : наст. вр. (в страд. 3.) = предмет речи (3 л.) : говорящий (1 л. ср. в одной синтагме «то мое а то мое же») = место : направление (ту(то) : тамо с историческим переходом перспективы с «обратной» предметоцентрической ('там' :

‘туда’) на «прямую» эгоцентрическую, откуда современное понимание ‘здесь’ : ‘там’),

-т- : -с- выражена очень хорошо, выделена и подробно рассмотрена Т.М. Николаевой².

-н- (суффикс прич. средн. з.): 1) -н- дньн, блазнъ, (м)блинъ (ср. молоть), вранъ, гранъ, дрънъ, об-манъ, санъ, станъ, съ(п)нъ, сынъ, (за)то(п)нъ, тынъ (?), чинъ, чѣлнъ, члѣнъ (основы на *-пи), горнъ (?), плѣнъ, рясн(ица) (основы на *-по), близн(ьць), грознъ, желѣзнъ, зѣн(ица), корн(о-ухий), мѣднъ, къснъ, напраснъ, плѣнъ, при-с(т)-но (родств. сто-ять), прострагъ, разгъ, ранъ, ровесн(икъ), слѣн(ьце), чрьнъ, юнъ, яснъ, данъ, багно (ср. ок(ъ)по, нем. Bach ‘ручей’), дѣ(б)но, волокно, вѣ(д)но ‘выкуп за невесту’ (гетероклитическая основа на г/п), гузно, зрьно, ло(к)но (родств. -летѣти), луко, окно, плесно (от плес-ти назв. растения), руно, стегно, сукно (от сукати ‘крутить’) сѣно, борова, весна (гет. основа на п/nt), вьна (нем. Welle) ворона, глина, гривна, десна (из *dent-), лу(к)сна, мѣсна, пелена, плес(к)на, серна, скврѣна, (с)пѣна, стогна, сторона, рана, слина, струна, стѣна, тина, цѣна, возможно вина, сосна, блазнъ, болонъ, бранъ, гранъ (ср. грапо), данъ (известное, ср. даръ о неизвестном), дланъ, долонъ и ладонъ (дейктический показатель актуализируется: нетыльная, но скрытая внутренняя сторо-н-а руки), казнъ, къзнъ, сани, (при)станъ, синъ, сѣни, тунъ (‘бесплатный’), чернъ, тоня, модель на -нъ продуктивна в герм. (-nis) для отвлеч. отглагол. имен, гл. 2-го кл. типа стану. 2) -ѣ(ѣ а)н- бубнъ (ср. бубнить), овньн, разньн (ср. розга), рѣзьнъ (отрезок), брашьно (?), бръвьно, гумьно, окъно, полотьно, пятьно, война, гривьна, мошьна, тайна, устьна, княжьна и др. имена лиц ж. пола, бойня, десньн (ср. лит. -inas), после переразложения мѣд-ѣ-нъ: желѣзьнъ, сьребрьнъ, богородичень, вѣрьнъ, красньн и др. прил., в т.ч. отглагол., далее -ѣник-, -ен- борошень ‘пожитки скарб хлам’ (откуда барахло, если это исконное слово), бивень (от бивати ср. ливень), бредень, власен-, вязень, гребень, осень, камень (гет. основа на п/г/л), корень (ср. корыто коряга), кремень (гет. основа на п/г/л ср. кресало), курень, плетень, поручень, порьшьнъ, противень, перстень, ремень, степень, стрежень, студень, веретено (то же в др.инд.), прядено, пшено (от пьхати), зеленъ, студень, червень, чръвленъ, глушень (глухарь), олень, дурень, кривень ‘заяц’, лежень ‘налим’, оборотень, парень, поползень ‘змея’, селезень, слизень, шершень (гет. основа на г/л/п), белена, -анъ гортанъ, лоханъ, -ан- баранъ, баянъ, кочанъ, братанъ, великанъ, имена собств., особенно южносл. Милан, Губан, поляна, сметана, -ѣн- волокъно, толокно, -ин-, -он- гомонъ, комонъ, тихоня. 3) -ун- брехунъ, бѣгунъ, Перунъ (возможно, результат народной этимологии), окунь, валунъ (от валити), пельнъ, -ѣни благостыни, ширины, -ѣня пекарня, поварня (место), вечерья, обѣдня, барышня, -инъ -ѣний ближнии, дальний, -ван- болванъ (от балы-балъве с темой -ы + -н-, ср. желы желвак любовь буква, первонач. знач. ‘бревно, чурбак, колода’, огласовка под влиянием турецк. balvan ‘столб с надписью

² Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих ч-ц»). М., 2008.

статуя'), -(в)ень баловень, ливень, сидень, студень, *-jo(ε)n- граждан(ин), киевляне, ср. лит. Tilzionis 'житель Тильзита', -мен- брѣмя, обозначения вещей и веществ: камы(къ), пламы, ремы(къ), сламя, соломя 'пролив', стремя и стрѣмьнь, ячмень, глухмень, струмень (струя), сухмень, узмень, хильмень, чисмя, *-sn- луна < *louksna s+n (?) только 'для себя', ср. солнце l+n 'для нас', ср. лучь с *-i-), -o(a)нь яблонь и яблань, -есы- ложесьно, -(а и)льнь, -ьбынь седалень, светилень молебень, -(а и)льня бѣлильня, наковальня, крышальня (место), -отня бѣготня, стукотня, толкотня (действие), -изна, -исна главизна, дороговизна, слабизна (и слабина), отчизна (и отчина), укоризна, -тельно следовательно (причастодетие, по М. Смотрицкому), далее как прилаг. смертельный, спасительный. 4) *-n(ε)k- Агньць, заяць, младеньць, вѣньць, месяц, теленькъ, маленький и т.п. диминутивы, печынь, стольникъ, крестьянинъ, смолянинъ (с суффикс -ин-, обозначающим единичность), бѣгунья, слъньце, тимение, чѣтение, нынѣ (ср. нъ новъ), -ьн- братьнь. 5) Мене (по П. Персону и Г.А. Ильинскому, ср. нем. притяж. mein, однако по А.Торпу – это основа личного м-я мн./дв. числа, что, возможно, не противоречит генетической связи и с указат. онъ), дань (прич.), мерзнетъ (наст. вр. 2 кл.), *-поп- ка(п)нуть, мерзнуть, тру(х)нуть (редупликация в прош. вр.), основы наст. вр. глаголов 1-го и 3-го кл. типа лягу, обрящу, сяду с инфиксом *-п- в корне. Значения перехода в состояние (среднего з.) статального или акционального пассива, наконец признака в виде -ьн-, оформившего наиболее продуктивный способ образования прилагательных, связаны друг с другом и имеют большие переходные зоны.

-н- : -j- = признак : принадлежность = непереходность (стынет) : переходность (студит) = страдат. (читанъ) : действ. (читаю) з. = положит. : сравнит. степень сравнения (краснь : краше) = переход в состояние (възбънетъ) : состояние (бѣдитъ) = предмет речи : отношение к нему в свободном виде нейтрализовалась в позиции 3-го л. онъ – его,

-н- : -м- выражена слабо,

-н- : -с- = онъ(й) : сей = результат : событие (данъ : дахъ) = приписываемый : собственный признак (беленый : белесый) = внешний : внутренний предмет (вѣньць – на голове снаружи : вѣха – на пути посередине от витъ),

-н- : -т- = неясный : ясный признак (баг-но : боло-то) = лицо подчиненное : с ведущими ф-ями (ученикъ : учитель) = онъ : той = вонъ : вотъ = лицо : второстепенное лицо и неліцо. Несмотря на некоторые обнадеживающие случаи словообразовательной антонимии, эти суффиксы развивают скорее синонимию, ср. образование страд. прич. прош. вр.

-л- 1) -л- било, горло, гребло, жезль, жерло, дуло, дѣло, крыло, село, сопло, стѣбло и стебель, стѣкло, тыль, тѣло, кормило, правило, стойло, сушило, былой, бѣль, гниль, дряхль, (на)дѣль, зръль, кругль, кисль, маль (ма-яти 'установить') милый, (про)мозглый, нагъль, об(в)ль (ср. вльна валь), обиль, пухль, рыхль (от рухнуть), смугль (сближается с лит. smaugti герм. *smeuk-), сѣмѣль, смягль (от смягнути ср. мягкъ), талый, тепль, трухль, уныль, утль, хилый, цѣль, шалый

(ошаться 'воздержаться'), щѣгль 'одинок' (возможно, от *skaid- 'разделять' с черед. dl/gl) (отглагол. прил. и прич. прош. вр.), вила (?), игла (?), мыгла. сила (по А. Вайану, суффикс -л- здесь нет), стрѣла, былъ (далее былина), бѣль, раль, отрасль, сопля, угль. 2) -о(ъ ѣ е)л- дрьколь, дятель, козыль, котыль, орьль, осьль, плѣвель, пѣтьль, соколь, щегъль (ономатопеическ.), узыль, угъль (?), весель, дебелъ, дрясель, кисель, мышель, мѣдль (ср. медлить), свѣтьль (лат. humilis), тяжель, бѣчела, жужела, мятель, кошель, скудыль, гоголь, дрьколь, мозогль, мозоль. 3) -уля баг-уля 'ядовитый гриб' (ср. багно), козыль, орьль (гет. основа, в которой г/л/п ср. хетск. haḡanili – нареч. 'как орел' (Р. Эккерт), ср. обратный порядок суффиксов в слове солнце), бабуля, бородуля и др. уменьшит. и пейорат. на -уля (лат. -ul-), ходуля, -ыл- бобыль, горбыль, мотыль, могила, кобыла (?), -ѣль гыбѣль, купѣль, обитѣль, печаль, скрижалъ, -тел- датель, учитель (результат опрощения -т- (суффикс инф.) + -ел- на слав. почве (В.М. Марков)), -оля сополя (диал. сопля), -ил- Добрило, Ярило, верзила, -ал- объѣдало, облыгало и др. имена лиц, часто с ироническим и пейоративным оттенком, враль, коваль, махаль, суффикс -ил-, -ал- образовались после переразложения (ср. правило стояло), имена лиц на -лук-, -лык- явно тюркского происхождения, -(д)ло быдло, грѣбло, грѣ(д)ло, дѣло, жало, мы(д)ло, начяло, свер(д)ло, рухло, седло, ра(д)ло (из *-tr--tl-), стькло заимств. из герм., там тоже образовано при помощи суффикс -л-, -сл-(о реже *-и), барахло (если связано с борошень, то выстраивается постепенное удаление в практике хозяйства: бор-съ 'ставшее своим имущество', борош-ень 'только съестное', барах-ло 'вовсе ненужное'), кресло (ср. кресати), масло, ремесло, гусли, ясли, мысль (после губных и заднеяз. перед -л- -д- не возникает, после -д-, -т- возникает -с-, значит причина осложнений скорее фонетическая). 4) Балий, балка ('овраг'), болото, балагур баловать (от бал, которое от глаг. бати), берлога (?), бублик, слова на -льный(о) -льски(й), -льня, -льщик (без сохранения видового знач.), -льник, -льница, -лица и др., -л-, как и -ов-, -н-, -т-, -с-, -ь/и-, активно участвует в опрощении, сюда же относятся расширения ч-цами -ли (коли) -лѣ (елѣ). 5) Совр. прош. вр. глаголов на -л- (по происхождению прич.). Других формообразовательных значений нет. По этому свойству суффикс -л- приближается к -к-.

-р- 1) -р- багръ 'красная краска красный цвет' бобръ (неполное удвоение), (дѣ)хорь, звѣрь, зубрь, нетопырь, упырь, угрь, даръ (гет. основа, ср. прич. данъ дань), дуб(р)ъ (ср. дубрава, нем. Zimmer – построенное из дуба помещение, m < *b), дѣбрь, жиръ, миръ, мраморъ, ноздри, пиръ, чѣбрь (сосуд), братръ, свек(ъ)рь, бедро (? ср. туло сопло и др. с -л- основа гет. ср. лат. femur femen Им.-В. femoris feminis Р.ед.), ведрó (родств. вода), добро, ребро, серебро, утро, ядро, бедра, выдра (как и вода, основа гет. на г/т), вѣра, икра, игра, искра, мѣра, сестра, бѣдръ (ср. будить) быстръ (со вставным -т-), добръ, искръ, кудри, мокръ, мудръ, одръ, остръ, пѣстръ, сиръ, старъ, сѣръ, сыръ, хытръ, шаръ, щедръ, ядръ, яръ, зубрь, туръ (суффикс *-г- хорошо представлен в назв-х внутр. органов). 2) -ь(о ѣ е а)р- бугъръ, вечеръ, сѣверъ (слова релятивные вместе со словом ут-р-о – д-сис к воображаемому, де-н-ъ и

полудень – определенный удаленный д-сис полуно*к-т-ье – основной ориентир по Полярной звезде, вѣсто-к-ъ, ю-г-ъ – неопределенный д-сис), четверь, езеро, нестера (дочь сестры), пещера, костерь, говорь, дыщер-, матер-, дѣверь, шурь (шурин) (пра)шурь, комарь, котлярь, столярь (этот же суффикс в греч. лат. гот.). 3) -ур- печур(к)а, дѣвчура и мн. др. слова на -ура, -ырь- нетопырь, поводырь, по этой аналогии огласовка нем. заимствования лодырь (ннем. loder), пустырь, косырь (кривой нож); секира и секѣра (?), -дро вѣдро (ср. вѣять), -хрь вихрь, *-гѣо вебрь, (дѣ)хорь, знахорь 'свидетель', угорь, детвора, -тер-, -тор-, -тыр-, -тр- братр-, дыщер-, вѣтръ (ср. вѣять), вѣторъ (компаратив), кото(е)рь, матер-, маторь 'старый' (?), сес(т)р-, чѣтыр-, утръ (ср. утроба), ятро, котора, 4) пырей 'порск, жароток в русской печи, загнетка', пурынь 'соломенная зола', пы/ур- – гет. основа на г/п (Р. Эккерт), ятровь. 5) Как и -л-, -р- не развивает словоизменит. способностей, но в зачаточном состоянии такие способности были, что видно в гетерогенных основах. Свободного дейктика с основой р- в славянском тоже нет.

Топологическая характеристика предметов, названных словами с этим суффиксом, напоминает слова с суффиксом -л-: это наименования углублений (озеро, пещера, ведро), выступов и предметов с выступом (бугор, багор), есть наименования млекопитающих и рыб, много древних имен лиц, особенно ж. пола. -Л/р- - генетически единый суффикс.

-л- : -j- = прош. : наст. вр. = предикативность : атрибутивность (причастия на -л- : местоименные формы прилагат. и причастий) = *olъ : и(же) = за текстом (о котором передают сведения) : в тексте (присутствующий во внимании, с которым соотносят),

-л- : -м-, -л- : -с- выражены слабо,

-л- : -т-, -л- : -н- = действ. : страдат. з. = пересказывательное и сослагат. : изъявит. и неопр. накл. = «перфект» или «плюсквамперфект» : состояние (3 л.) или инхотатив (-н-) = признак : предмет (сталь : стань) = *olъ : той, онъ = Deixis am Phantasma : ad osulo. В праиндоевропейской ретроспективе *-r-/l- : -n- - основное чередование = отчуждаемая : неотчуждаемая принадлежность (И. Добрев). Ср. жърло : жърдь, жърн-ы = даль, даръ : данъ, дань.

-в-: 1) *-и- вольт, врѣхъ, долъ, домъ, иль, ледъ, медь, олъ 'пиво', полъ, садъ, ядь и др. прилагательные имена (В.М. Марков), бърз(д)ъ, дързъ(къ), кратъ(къ), кукъ ('согнутое' кулак ср. кукиш), младъ, цѣль, боровъ 'холощенный кабан' (*bhog- 'резать'), влѣхвъ, гнѣвъ, дивъ, нравъ, (на)плывъ, припѣвъ, (ледо)ставъ, диво, дрова (ср. бръ-в-ьно), пиво, стерво, (за)бава (обавъ и бава 'заклинание' от баяти), глава (?), грива, корова, плѣва, слива, соловый, въдова (первонач. 'лишенная'), дѣва (ср. дойти), вьрвь (далее веревка ср. вериги), дервь > дерево, червь, живъ, истъ и истовъ лѣвъ, съдравъ, половый, правъ, рѣзвъ, сивый, трезвъ. 2) -(е)в- бечева, -(о)в- гужевой, садовый, адамовъ, притяжат. прил. на -ов- не образуются от сущ. с основой на -ā, обычно это -о или -и основы, обозначающие неживые существа, отсюда знач. сделанного из чего-л., подобия чему-л. или отношения к чему-л., от основ на -о- дубовъ, буковъ, шиповъ, тръновъ, позднее по аналогии и от основ на *-ā

липовъ, бръзовъ, дъждевъ (возможно, отглагол. прил.), часто происходит субстантивация: Косово, логово, ночево (места), Петровъ, крошево, кружево (собирает.), (не)истовъ, яловъ, суровъ, каковъ, сицевъ, таковъ (всегда с качеств. оттенком), -ьб- борьба, изба и истьба, косьба, мольба (от гл. 4-го кл.), дружба (от сущ.), -оба зылоба, жалоба (от сущ. жало-, ср. жаловати), утроба, худоба в др. словах – от прилаг. на -о (аналог -ота), -ы/ьвь свекры, злы и золов(ка), ятры и ятровь, это термины родства, ср. кры и кровь, «свое», неотчуждаемое, отсюда же и -ыни: богыни, правыни, гърдыни. Много наименований сельскохозяйственных культур типа моркы, домашних животных (боровъ коро́ва). 3) -нъ грознѣ, грѣнѣ, станѣ(къ), сынѣ, тѣрнѣ, чинѣ, -рѣ бобрѣ, борѣ (сосна), дарѣ, мирѣ, пирѣ, -дѣ студѣ и стыдѣ, трудѣ, -тѣ – имена м. р., как и супин (из В.п.), бытѣ, вить, кратѣ, пещѣ (из *pektь+и), -ты, -тѣв- рано перешли в -тва или -твь: битва, -ав- булава (от була 'шишка, ком'), величавѣ, краставѣ, крѣвавѣ, крѣкавѣ, держава, дуброва(-ава), дыравый, рукавѣ (индоевроп. *-wo), -ив- (бого)любивѣ, лъживѣ, от сущ. на *-и: благостивѣ, милостивѣ, боязливѣ и под., сущ. вариво, кладиво, кропива, -лив- бодливѣ, гнѣливѣ, -ляв- вертлявый (прил. на -лив- и -ляв- пересекаются), следует сопоставлять -ив-, -лив-, -ляв-, -оват- и др. суффикс с элементом -в- как разные показатели степени качества, -ы/-ьв(ь) -(ь)ва – основа, аналогичная на *-ї, обозначала первоначально существа ж. пола: желы 'черепаха' *kuro-рьты (ср. курица), неплоды, свекры, ятры, бры, жрьны, лихва, кры, любы, прѣлюбы, -(и)тьба, гоститьба, женитьба, знатьба, сѣтьба (наряду с сѣтва) – либо от инф., либо от прич. (К. Бругманн), вероятно воздействие модели битва, клятва, где имеется суффикс -тва, ср. молитва, болг. мо́литба (такие сопоставления ослабляют версию участия причастий), -тв- битва (от би(ти) + -тва), ботва (от ботѣ ботѣть - 'толстѣть расти' родств. быть, тема -ы), бритва, клятва, плотва, -тва – это производное ж. р. от тематического суффикса -тво, который дает также вариант м.р. на -твь и ср.р. на -тво, как и -ьство: жнитво, творитво, чювитво, шитво, яство, мрътвь, чръствѣ, -няв- сухоняв (от сухоня как и вертляв). 4) -(а)в(ь)к- бородавка (*bordava, ср. грѣбавѣ), -вак- желвак (болг. жлъва 'сережка на березе', ср. жлътъ), -ьк- гладькъ, дерзькъ, жидькъ, кратькъ, крепькъ, лгькъ, мръзькъ, мякъкъ, низькъ, рѣдькъ, сладькъ, тнькъ, узькъ, -нъкъ чеснъкъ (ср. чесати), опрьснъкъ, -вѣ развѣ, -ыни, -ыня, -ынь, благостыни, милостыня, теплынь, *-us- ветьхъ < *vet-u-so-s, -ыш- в новых наименованиях детенышей животных и уменьшит. типа малыш, крепыш, -овище, -вище, -бище кладовище (перешло в кладвище и кладбище по аналогии со стойбище (Ю.В. Откупщиков), которое, в свою очередь, имеет -ьб-ище, где -ьб- как в слове борьба, см. выше), -вьн(ьн)- равнь, косвенный, сложные суффиксы, начинающиеся с -ов-. 5) -ьв- в действ. причастиях прош. вр., по происхождению прич. перфекта, тебе, себе (родств. вы). Русский суффикс -ьв- – суффикс индоевроп. перфекта, который, в свою очередь, восходит к дальнему дейктику *u, активно участвовавшему в переходе с первичной видовой на временную систему. В русском он дал показатель многократности указания (овѣ) и действия (-ыва-) и способствовал развитию новейшей собственно русской категории вида, но уже с

иной маркировкой: -ыва- — показатель не перфективности, а имперфективности (перемена «вектора», переход на ЭД).

-в- : -j- = указание на дальнее : на ближнее = указание на свое, приближающееся, позже удаляющееся : на чужое, удаляющееся, позже приближающееся = кукъ 'кулак' : куча = куть (закуток внутри) : куша (снаружи) = огородъ : изгородъ = садъ : сажа = домашнее : дикое = хозяйственное : социальное = перфект : настоящее время = индикатив : оптатив (и императив) = дальнее : ближнее родство (Петров : Петрович) = таковъ (схожесть) : той, такой (совпадение) = овъ : и(же) — повторяющееся в мире : в тексте (д-сис : анафора), хорошо чередуются друг с другом в гетероклисии, возможно *и : *i = сакральное : профанное (невидимое : видимое),

-в- : -м-, -в- : -с- неактуальны,

-в- : -т- -в- : -н- = действ. : страдат. з. (в прич. прош. вр.) = живъ (сам) : жито (приготовленное мною) = овъ : той, онъ = -(о)в-, -овън- : -ън- в прилаг.,

-в- : -л- = 1-е прич. перфекта : 2-е прич. эвиденциальное = живъ (состояние) : жила и жиръ (не видно, но чувствуется) = (ледо)ставъ (результат) : старъ (качество) = овъ : *olъ.

-к-: 1) -к- бракъ, брякъ и др. от звукоподражат. верескъ, влъкъ 'терзающий', дикъ (ср. дивий), звукъ, знакъ (от знати), злакъ (ср. зелень), паукъ (*раон-к), полкъ (?), порокъ, стукъ, тукъ, нареч. паки (из Т.п. мн.ч.), прѣкъ, прокъ (далее субстантивация), како, тако, колико, толико (основа наречия происходит от формы ж.р. на *-i), ни-ць < *ni-со, си-це (с 3-ей палатал.), -ко аблъко, вѣко, -ка дѣрака (от дѣрать), клюка, щека, -кѣ бичъ, бричъ (бритва), ключъ, ковачъ, тѣкачъ (от глг. на -а), брадачъ (от сущ. на -а). 2) -ак- Имена деятеля от глг. основ на -а-: гуляка, полякъ, простакъ, чудакъ, чужакъ, юнакъ, како, тако, всяко, инако, яко, -якъ, в т.ч. от глаголов 4-го кл.: березнякъ, жожакъ, голякъ, костякъ, кремлякъ 'твердый человек' морякъ, смуглякъ, диминутивы на -ыкъ: камыкъ, языкъ (от темы м.р. на *-и), -ик- диминутив ножикъ (возможно, *-inq-, как в лит., на это указывает и отсутствие 3-й палатализации, и пропорции м. : ж. = -ыць : -ица = -икъ : -ыка), братикъ, мальчикъ (от мальць), мужикъ, великъ (неопр., к определ. велий), -ика — в наим. растений ежевика голубика и голубица, земляника, черника, дрцсл. ужика (общего р., то же близика от компаративов), серебряника 'серебряная монета'), -окъ от основ на *-о-: близокъ, знатокъ, инокъ, ходокъ, ѣдокъ, ѣздокъ, чеснокъ (по Р. Эккерту, от осн. на *-и), высокъ, далѣкъ, жестокъ, глубоко (о-и в гр. и лат.), грустокъ (от грустити), широко, -ока осока, -очъ от глг.: ласкочъ, ругочъ (от ругать), -ѣкъ сладкъ (от основ на *-и, ср. антонимичное горькъ от основы на *-i, сравн. степ. и того и другого без -к-: слаждше — горьше), близкъ, гибкъ, гладкъ и мн. др. качеств. прил. на -ѣкъ, диминутивы сынѣкъ, шипѣкъ, бѣлъкъ, добыѣкъ, желѣтъкъ, затылѣкъ, избыѣтъкъ, пятакъ, цвѣтъкъ, четверѣтъкъ, известно и в сскр. греч. лит., -ѣко братко, гнѣдѣко (возможно, и от *-nko), -ѣка бѣлка, дѣвка, кобылка, малпотѣка, болгарѣка и др. этнонимы, -ыц- агньць, срьдце, овьца (от основы на *-i), наименования лиц по происхождению и национальности: горец немец, -иць, -иць кораблиць (мал. корабль), кониць, -ица — от смешения *ьса и -ика: палица, жница (ж. к жьньць), -ѣк-

в новейших диминутивах смычок, денек, -ька, -ько ручька, очько, -ыка владыка (от влады 'руководящий'), мотыка (мотыга), при помощи *-ко расширяются все древние атематические основы и основы на *-о, следовательно, этот суффикс играет роль неопр. артиля. 3) -(ь)ник- От прил. на -ьн- и прич. на -н-: дворник, дльжнник, после переразложения -ьникъ: стражнник, в т.ч. и неодуш.: бумажник, источнник, -(ь)чик- из *-ьк-ik- братчик, докладчик, заводчик, с др. формативами: топлик (теплый ветер), утиральник, пуховик, имена на -ильщик, -альщик, -овщик и др., боровняк, литвяк, букашка (от звукоподражат.), варежка (от варега, которое от варити 'защищать сохранять беречь предупреждать'), диминутивы от -н-темы: теленок, далее беленький, бледненький, глупенький, много имен собств., особенно малорусск. типа Коваленко, другие: сердечко, окошко, владелец, -яц- заяц, месяц, -ук-, -юк- дѣюк, кухарчук (мальчик – помощник на кухне), мастюк (мастер), падлюка, -ык- (из *unко) клык, -ск- брезг (*breġ-ske- ср. брезжить), -иск*-j- гноище, городище, кладбище, прозвище, -ыкь камык, прил. на -ьск-, войско (по Брутману, суффикс от компаратива на *-s-), диминутивное значение суфф-ов на *-k- явно связано с неопределенным, 4) *-акjo- богачь, колачь, носачь, рогаць, трубаць, однако многие сущ-ные хорошо соотносятся с прилаг. типа богать, поэтому версию *-atj- также нельзя отвергать, версия заимствования из тюркского и сближения с одиночными лексемами типа толмач, казначей, а также тур. словами на -(а)чи и с.-х. словами на -(а)джия (А. Вайан), не выдерживает критики: слишком много слав. производящих основ, наоборот, возможны сближения с орачь, глухачь (на *-tjo-), *-ikjo которичь, *-oukjo сивучь (род тюленя), *-uġjo свѣтычь и свѣточь, -кати брякать, с 3-й палат. бряцати, буркать и бурчать, мяукать. 5) Суффикс -к- не способен оформлять словоизменение, он не участвовал в образовании гетерогенных основ, первоначально служивших материалом древнейшего словоизменения. Это явно связано с неопределенным значением основы, ср. *къ-то*.

-к- : все остальные суффиксы = неопределенность : определенность (специализация).

Особо рассматривается суффикс -л-, давший прич. прош. вр. - проблема, требующая особого внимания благодаря мощной исторической активизации этой формы, ныне единственного выразителя прош. вр. в составе личной парадигмы глагола. Этот суффикс произошел из ук-ого м-я максимально дальней степени дальности³ (А.А. Потеня, Э. Бернеккер, О.Н. Трубацев, В.Н. Топоров), ср. *олны, лонись*, лат. *ille*. Первоначальным значением было имя деятеля, ср. -тель, -лец, -льщик, -льник, а также *орель, соколь*, имена собств. и нариц. на -ила(о), -ала(о) типа *Добрила, верзила*; неодуш. слова на -аль, -аля, -уля, наименования инструментов, мест, веществ, признаков - результаты развития. -Тл-, -дл- и -сл- можно признать алломорфами суфф-а -л-.

М-е «4-й степени дальности» *oľ (в древнейшем лат. *ol-*) отсылает к невидимому, загробному миру, «другому». Отсюда обозначения предметов сложной топологии, имеющих не только высоту (глубину), длину и ширину, но и толщину, то

³ Вероятно, в ту эпоху, когда прежний дальний дейктик от основы *-и- уже не участвовал в оппозициях по степеням дальности.

есть 4-е измерение, напр., *дуло куль улей сопло горло жерло горнило дуло туло(вище), петля узел, тыль, тѣло*.

Дейктик -л- несет на себе явные следы д-сиса к воображаемому. В связанном виде при глагольных основах он показывает качество, состояние или действие субъекта, которое сам рассказчик не наблюдал (В.В. Бородич). Связка *есть* усиливает достоверность, связка *быть* - недостоверность. В Берестяных грамотах она не переходит во вспомогательный глагол и может не согласоваться: *сноху есть у мнь убилъ а живото есть у мнь розграбилъ*. Сложные формы типа *есть читать* перфекта не обозначают, а указывают на сочетание двух временных планов - актуального прошлого и настоящего (И.К. Бунина, Н.И. Толстой). В форме 3-го л. связка - явление изначально факультативное, «процесса утраты» связки в этом лице не было. Эвиденциальное значение форм на -л- ясно в придаточных.

Потребнианский «переход мысли» от подлежащего к сказуемому и развитие значения действия в причастиях на -л- хорошо виден на примере регулярной конгруэнции (точного повторения окончания) подлежащего со сказуемым на -л- в Берестяных грамотах по типу -е ...-е (*Михаиле прише*), а также -ъ ...-ъ, -ь ...-ь, -о ...-о в м. р.; -о ...-о в ср. р.; -а ...-а в ж. р. ед.ч.; -и ...-и, -ѣ ...-ѣ во мн. ч.; -а ...-а в дв.ч. м.р.

Вытеснение старых форм аориста и имперфекта связано с проникновением ЭД в оформление предиката, бывшего вторым (в конструкции «Им. самостоят.») и ставшего первым, и переноса эвиденциальности (комментария, справки, документального свидетельства) во временной план прошлого. Описательное время, тяготевшее к модальности, стало также и повествовательным в реальной (в условиях русской ментальности) модальности.

Глава третья «История свободных ф-й местоименных слов по данным эпиграфики и грамот» посвящена анализу употреблений ук-ых м-й в надписях на предметах, стенах храмов, приписках и в грамотах. По признакам субстантивного (*то*) или атрибутивного употребления (*то село, село то*), а также в зависимости от позиции, различаются следующие ф-и.

Первичный д-сис: субстантивное употребление *се* (А); атрибутивное употр. в постпозиции *крѣсть си* (Б), атриб. употр. в препозиции *сей крѣсть* (В).

Катафора: субст. употр. *то ...* (Г); атриб. употр. в постпозиции *дѣло то ...* (Д), атриб. употр. в препозиции *тая обида ...* (Е).

Анафора некатафорическая: нестрогая в субст. употр. ... *то* (Ж); нестрогая в атриб. употр. в постпозиции ... *чада сия* (З), нестрогая в атриб. употр. в препозиции ... *сия чада* (И); строгая в субст. употр. *крестьянинъ ... его* (Й); строгая в атриб. употр. в постпозиции *монастырь ... обитель сия* (К), строгая в атриб. употр. в преп. *село и деревни ... та вотчина* (Л). (К) и (Л) во вторых и далее повторях, с точки зрения теории артикля, можно назвать артиклевыми.

Случаи без согласования, пограничные между м-ем и ч-цей, считались (А), (Г) или (Ж) (*се, то, тѣ*). Тенденция к слиянию возникает только в постпозиции. Для катафоры строгое-нестрогое отношение к антецеденту неактуально, поэтому не учитывается; катафору уточняет сам антецедент.

Надписи на предметах часто содержат наименование того предмета, на который они нанесены. В этом состоит уникальная семиотическая ситуация, позволяющая

точно исследовать наглядный д-сис («указание пальцем»). В XI-XII вв. наименование автора, предмета, изображаемого на нем или содержимого в нем⁴

(азъ, чара, ковшъ, цесарь славы, богъ нашъ, самъ господь, дѣвая, гробъ, жертва, агньць божии, кръвь) предваряется словом *се* (А), начинающим биномиальную структуру. Постепенно это *се* устраняется; с XIV в. большинство надписей содержат непосредственно наименование предмета. С XV в. абсолютное преобладание ф-и (Б) вытесняется ф-ей (В). Слова *кръсть, понагия, евангелие, олтрь* долго сохраняют (Б). Для слов *кадило, ерусалим, колоколь; костель, каплица; пѣцаль, стрѣльница* уже более характерна ф-я (В). Первичным было постпозитивное употребление ук-ого м-я: *кръсть си*. То же показывают и древнейшие приписки, семиотически однотипные памятникам эпиграфики: *евангелие е, книги сия*. То же - в финальных клаузулах самых ранних грамот: *грамота си*.

В ранних грамотах XII-XIV вв. кореферентные цепи еще не отличаются большой длиной: *а се* (А) *волости...* - *ты волости* (Л) - *от нихъ* (Й). Лучше сохранились договорные грамоты, в них дейктическая система текста обычно двухчленна:

Благословение ... На *семь*, (Г) княже, цѣлуй хръсть къ всѣму Новугороду, на цѣмъ *то* (Ж) цѣловали дѣди, и отци, и отецъ твой Ярославъ. (Догов. гр. Новгорода с Тверским в. кн. 1270 г., ГрВНП, № 3)

В финальном варианте этой формулы крестоцелования ближайший дейктик *сь* постепенно заменяется на нейтральный *тъ*, - переход с ПД на ЭД. Целование креста заменилось «битьем рук», в соответствующей новой формуле встречаем только *тъ*:

А на *томъ* (А) + (И)⁵ есмо и руки дали Федору, и печати свои приклали, и с *тою* грамо(то)ю (И) послали есмо доброго чловѣка Климяту. А писана бысть *сия* грамота (В) въ Полоцку. (1409 г. РЛА, с.138)

В отличие от повествовательных жанров, в грамотах распространены не разные точки зрения на один и тот же предмет, а наименования разных предметов одним именем (*грамота*), для чего требуется сопровождение этих наименований разными дейктиками, хотя дейктическая система текста не закрепляется за одним предметом-мыслью.

Расхожий внутритекстовый зачин *а се* (А) - яркое проявление ПД. Постепенно он превращается в простую композиционно-ситуативную формулу, ее внутренняя форма стирается. В правых грамотах, судебных списках XV-XVI вв. она усиливается до *авосе*.

А во *се*, (А) господине, грамота перед тобою. ... А во *се*, (А) господине, *тъ* старожилци (В) перед тобою. (1502 г., АСЭИ, II, Правая, 336)

Это типичное начало предъявления своей доказательной базы истцом или ответчиком на судебном процессе. Но в иронических устах народа в условиях интенсивного усвоения нового ЭД вне судебных заседаний эта формула переосмыслилась в ч-цу *авосе*.

⁴ На сосудах.

⁵ В момент подписания договора дейктик воспринимается еще как (А), читателями более позднего времени и отстраненными от ситуации, - как (И). Д-сис переходит в анафору сначала в прагматике речи, затем проникает в систему языка.

При выражении временных отношений хорошо сохраняются ф-и (А) и (В): *по семь, передъ симъ, п(е)режь сего* (А); *въ съ вѣкъ, сего лѣта, до сего лѣта, въ сю недѣлю*, с XV в. *перече того, тому 40 лѣтъ, тому осьмои годъ* (А); *тыхъ часовъ, до сѣх мѣстъ, по та мѣста, тѣхъ годѣхъ, ту пять лѣтъ* (В), в XVII в. *того ж числа, в том же мѣсецѣ, того же мѣца* (В). Хорошо заметна активизация м-я *тотъ* в таких оборотах в связи с переходом на ЭД. В XVII в. выражения типа *наперед сего* имеют уже изобразительный характер специального приема, как и сейчас *перед этим*. Ср. парадоксальное употребление старой формулы в условиях нового ЭД: *40 лет тому назад*.

Тип дейктика сохраняется и при сильном «сжатии» формулы: *докончати на сей правдѣ - се докончаніе*. Отчуждение документа всегда ясно обозначается:

Таја правда. (В) латинескому взяти. оу роуской земли. (СмГр 1229 г., сп.А)

Третья степень дальности выражается в грамотах пространственными оборотами *из оноје земли, на ѡной сторонѣ* (В). В грамотах XVI-XVII в. при первом упоминании встречаются выражения *онѣ дочери мои, ее рѣчку Варжу*, (В), однако этот атрибут в XVII в. известен при антропонимах как артикль, но далее не развивается: *ему отцу нашему архимандриту Ефрему* (Л). Это признак личного в то время м-я *онъ-его*.

Если м-е съ «отвечает» за внешнюю связь текста с миром, то м-е *тъ* организует внутритекстовые анафорические связи.

Ближайшей к дейктической является катафорическая ф-я, поэтому ее принимает оборот *а (и) се (же)*, но основным катафорическим средством становится уже *то*, ср.:

То (Г) было и первое: былъ у тебе одинъ дѣтина... онъ же (Й) хотель у рать ити. (РЛА, 1271-89 гг., с.26)

Часто - при глаголах мысли-речи и иногда с повтором: *и то (Г) намъ поведаль се жялобою, как то (Г) торговаль, приговорили есмя на том (Г)*. В XIII в. оборот *какъ то (Г) (бышь < быша)* уже хорошо известен, ср. совр. *как то и то бышь*. Обороты *про то, о томъ (ж)* (Г) дистантно соотносятся с *относит.* м-ми, *тии люди, того человекѣ* (Е) - уже контактно, но без склонения *что*. Отсылка к нелицам (*стругъ, товаръ*) в этой модели больше. Ф-я (Д) отсутствует.

Помимо древнейшего *грамота си*, ф-я (Б) в грамотах появляется вновь не ранее XVI в. и уже со вторичными стилистическими целями (*главы книги сеа, писание сіе, обитель сия*), как и в современном русском.

Ф-я (Ж), распространенная в древности гораздо больше, способствует развитию относительного «паратактического подчинения» (А.А. Потенбя):

Кто почнеть ся запирати того, *тъ* станеть со мной передъ богомъ. (ГрВНП, №105, не позднее 1270)

На основе (Ж) складываются наречия типа *тѣмъ(же)*, формулы *дати то, то отложити, то учинити, то поставити, то есть обычаи, то дѣяти, про то, за то, всему тому судъ (учинити справу), въ тое ся ступати, (о) томъ рубежъ держяти (творити), ся запирати того, тому вѣру яти, дати тому исправа, а на то послухъ,*

(аже)... то (не) надобѣ, кто... тѣ..., (а) что... (а) то..., аже (оже)... то..., оже... а тѣ... К ним примыкают тая обида, за ту голову, въ том миру, въ том дѣлѣ, тому дѣлу, тим словом, того челоуѣка (И), с XVв. - тому то платити (вдвое), на тех имати заповеди (по два рубля), на тех давати приставов, на том (прикащикова) пошлина, и в том купил (какую-л. часть), того обыскал, и того будет (сумма, ср. совр. итого), да в том есми и отпис дал (Ж), на тѣх людех (И). Как правило, при этом возникает относит. подчинение. Собственно структурно-синтаксическая сторона вопроса детально изучена в работах В.И. Борковского, В.Л. Георгиевой, Е.С. Истриной, Е.Ф. Карским, Г.А. Качевской, Э.И. Коротаевой, Ф. Корша, Р.Д. Кузнецовой, Б.В. Лаврова, Т.П. Ломтева, В.Н. Мигирина, А.Н. Стеценко, А.И. Сумкиной, Е.С. Хмелевской, Н.А. Широковой. З.К. Тарланов обращает внимание на то, что нормальным в препозиции остается придаточное лишь в пословицах: *кого журят, того и любят*. В целом же, ф-я (Ж), как и вообще обязательность местоименно-соотносительного слова, идет резко на убыль, что захватывает и (И). В более новых формулах (*со всѣм тѣм* (Г?), *что к тому (селу) потягло; тех людей* (Е?), *кто имет в тех селех* (Л) *жити* - XVв.) развивается постпозиция придаточного. Современные контактные постпозитивные придаточные относит. и, особенно, обстоят. (*потому что*) полностью вошли в рамки собственно подчинит. синтаксической конструкции (не модели), в которых *то* (без специального акцента) уже не выполняет катафорической ф-и. Конструктивная сила синтаксической схемы теперь оказывается выше бывшей силы линейной анафорической связи, которая здесь уходит в прошлое или приобретает стилистическую маркированность.

В духовных развиваются коденотативные цепи с повышением строгости анафоры (**анафорическим уточнением**) типа *которыи князь - за тѣмъ* (Ж) - *оу него* (И). Ф-я (Л) становится распространенной лишь после XV в. в значении препозитивного артикля, до этого она сопровождалась эмфазой: *тѣ с(вя)тыи георгии, тоу данъ с антитезой се блюдо* (в клаузулах устрашения), *вхоу же тоу землю, тотъ товаръ*. Даже в кореферентной цепи, которые обычно длиннее коденотативных, (Л) могла быть только при первом повторе и не далее, следовательно, артикля еще нет. В грамотах XVI-XVII в. кореферентные цепи достигают 15-20-ти употреблений, среди которых большинство точных лексических повторов с (Л). Препозитивный артикль развивается даже там, где сейчас возможен только детерминатив, ср. о своей жене:

Женка Федорица ... а мои прикащики дадутъ *той* (вм. *моей) *женкѣ* (Л) *съ дѣтми корову...* (къ) *сей* духовной (В) *язь...* руку приложилъ. (1518 г., АЮ, с.447-8)

Лексика, при которой возможен препозитивный артикль, ограничена юридической терминологией. Постпозитого артикля в грамотах нет, вероятно, в связи с его субъективно-эмоциональной оценкой и тенденцией к неопределенности, что неуместно в деловом стиле. Ср. его лексикализацию в неопр. м-ях типа *кто-то, какой-то*.

Субстантив *онъ* в XII-XIII вв. имел еще свою собственную полную морфологическую парадигму, хотя в качестве antecedентов вплоть до конца XVII в. встречаются только обозначения лиц:

Онемъ (Й) ся прашати. а мнѣ е по доумѣ поушати. (СмГр 1223-1225 г.)

В форме Им.п. до XV в. *онѣ* употребляется только вместе с ч-цей-союзом *и* (*и онѣ*, *и они*, в том числе в относительно новых формулах вроде смешного суда), иногда с *а* (*а они*), еще реже - с ч-цей *же* (*онѣ же*), то есть несвободно, и только в качестве третьего члена дейктической системы текста, поскольку всегда явно названы либо имеются в виду вторые по значимости (*ти*) и первые (*си*) лица - центральный предмет речи. К XVII в. типичное расположение членов кореферентной цепи таково: *люди - тѣ люди - тѣ мои люди - ихъ - они*. Форма И.п. субстантива *онѣ* завершает собою цепь в синтагме и «подстраивается» к существующему анафорическому м-ю *его-ему* в парадигме, подчиняясь новой синтаксической тенденции обязательно выражать подлежащее. Личным м-е *онѣ-его* можно было называть примерно в XV-XVII вв. До этого времени было две разных субстантивных лексемы - анафорическое м-е *его-ему* без И.п. (ср. *себе*, *нѣкого*) и *онѣ-оного*. После этого *онѣ* стало отсылать и к предметам (самый ранний пример в наших материалах: *товары - онѣ покупаны* в Жалованной от 4 марта 1684 г., УА, с.11).

В четвертой главе «История свободных ф-й местоименных слов по данным законодательной и повествовательной литературы» полученные данные сопоставляются с данными законодательной литературы, хождений, летописей и житий.

В древнерусской письменности складываются следующие специальные дейктические ситуации:

I. Монологическая 1) предметная (первичное дейктическое указание на тот предмет, на который нанесена надпись), 2) описательная (дейктическое указание на внешний предмет, изобразительное анафорическое указание на предмет, который описан в тексте), 3) предписующая (анафорическое указание на отсутствующий, но возможный, обусловленный предмет).

II. Диалогическая 4) беседы (в устном разговоре с частой сменой реплик), 5) поучения (в риторических словах, обращенных к слушателям, часто с мыслимым диалогом с ними), 6) молитвы (в обращении к Богу или святым).

Ситуация (I.1) наблюдается в эпиграфике, приписках, зачинах и концовках грамот; (I.2) - в грамотах с осведомительным характером, хождениях, повествовательных жанрах летописи и жития; (I.3) - в грамотах с удостоверительным характером, уставах и сводах законов; (II.4) возникает в передаче судебных заседаний, разговоров в летописных, житийных рассказах и повестях; (II.5) - в проповеднической церковноучительной литературе; (II.6) - в богослужебных книгах.

В этой главе в основном рассматриваются ситуации (I.2), (I.3) и отчасти (II.4) - в летописной передаче разговора князя со своей дружиной, с волхвами, боярами, послами, различных должностных лиц и воинов друг с другом и т.п.; в житийных рассказах о беседах святого. Изображения диалогов персонажей влечет за собой перенос ситуации первичного д-сиса (экзофоры) в текст, когда следует говорить уже о вторичном д-сисе (эндофоре), но еще не анафоре, поскольку антецедент в этом случае воображается и представлен только имплицитно.

В сводах законов ф-я (Б) еще проявляется в их названиях (уставо-сь, правила си), но преобладает вплоть до XVII в. ф-я (В): *сесь Судебникъ*, по *сему Судебнику* (1550), *сия книга* (1649, противопоставлено *тому Уложению* - ЭД).

Сильные изменения в этом жанре претерпела катафора, поскольку в нем преобладают коденотативные цепи. Типичными разночтениями в заголовках статей списков Русской Правды являются: *А се уроци городнии* - *О уроцех, что кому - Уроци городнии*. Катафора в расчлененном высказывании устраняется, и появляется новое значение И.п. в односоставных номинативных предложениях с ф-ей заглавия. Статьи 3, 5, 6 Договора русских с греками 911 (912) г. завершаются «*о сем*» (Ж), вопреки интерпретации некоторых изданий (перенос этих слов в начало следующих статей). Ст. 12 начинается «*О том*», и только она содержит катафору (Г). Ст. 3 посвящена сразу обеим сторонам, в статьях 5 и 6 сначала говорится о преступлениях русина против грека, и только ст. 12 начинается с описания преступления против русина. Договор, видимо, составлялся в Византии и по инициативе греческой стороны.

Формы *тем, по тому* (ж) в ф-и (Ж) подвергаются в Своде 1550 г. адвербиализации, но они же остаются и в более развернутых формулах *по тому же указу, по тому же розчету* (И). Формулы с (И): *болши того, отрич того*. Ф-я (И) характерна для сочетания *тот* и терминов *дѣло, судъ, искъ, пошлины, ѣздъ* и др. В этом памятнике права встречается не только выражение более новой ф-и (Е) (*тех послухов, которые...*), в которой катафора ослабевает, но и архаическая ф-я (Д) (*послуси те, которые...*) с явным выделительным оттенком.

В Русской Правде встречаются выражения ф-и (К) (*дѣтъ ѣмъ тѣмъ*), совершенно не известной в грамотах.

Если в Договорах русских с греками X в. законодательные формулы еще не установились, то в течение последующих 4-5-ти веков складываются формулы с ф-ей (Ж): *имати (взяти) на том, в том пени нет, об(с)ыщетьца то допряма*; ф-я (Й), выражаемая отсылочным м-ем *его-ему*, быстрее других способствует освобождению от формульной связанности. В Судебнике 1550 г. оно еще изредка может употребляться в главном предложении вместо *того-тому*, в Уложении 1649 г. таких случаев уже нет:

А приведут кого с поличным впервые, ино *его* (Ж) судити. (Судебник 1550 г., ст. 52).

В Русской Правде при указании на лицо реконструируется парадигма *онъ-оного-оному...*, в Судебнике 1550 г. - *онъ-его*, хотя еще и там чаще встречаем *и онъ, и что онъ*.

В переводных сводах законов «Мериле праведном» и «Законе судном людем», как и в других переводах с греческого, нередки субстантиваты с полусвободным постпозитивным дейктиком: *судия, работнымъ* (Б). В тех же памятниках известно устойчивое по спискам выражение ф-и (К): *мужъ тѣ, роба та, земля та*. В них же развивается относит. м-е *иже*⁶. В целом, постпозиция м-я встречается и при катафоре, и при анафоре:

⁶ Мы различаем, вслед за Виндшисом, указательность в узком смысле (*сей*), отсылочность (анафору - *тотъ, его*) и синтаксически оформленную относительность (*иже, кто, который*).

Аще кто напишетъ наслѣдника своему имѣнью вл(ады)ку х(рист)а. не приложивъ ...имени или ц(е)ркви мѣста *того* (Л) идѣже есть. ... аще есть въ градѣ *томъ* (З) или въ предѣлѣ *того* (Й) таковая ц(е)ркви. (МерПр, л.132)

М-е онъ в «Мериле праведном» сохраняет еще парадигму онъ-оного (*от онѣхъ*) и действительскую ф-ю 3-й степени дальности, чисто анафорическая ф-я остается за м-ем *его-ему*:

Оставленъ бы(сть) мужь. о(т) своя жены на время. онъ (Й) мнѣвъ яко до конца раздрѣшися от *оноя*. (Й) другую поиметь. не вѣды яко на время оставленъ бы(сть) от *нея*. (Й) (МерПр, л.113об.)

Условные модели, в отличие от оригинальных законодательных сводов, не требуют обязательного соотносит. слова *то* (Ж).

В отношении ф-й ук-ых и анафорического (*его-ему*) м-й отдельно анализируются показания списков Русской Правды. В обусловленной части в некоторых списках (особенно У и Рс) происходит усиление отсылки, анафорической и катафорической. Обычно представлена нестрогая предметная анафора (*то*), а когда ее нет, то она вводится, часто добавляется и личная (*тому, ему*). Как и в поздних списках летописи, постоянно заполняются позиции прямых и косвенных дополнений при помощи м-я *его-ему*, то есть вводятся дополнительные отсылки. Изредка это происходит даже с подлежащим, так как добавляется онъ. Разнотечения типа *оже* = *иже* можно считать усилением персонификации и действием 2-го южнославянского влияния.

Данные хождений рассматривались по работам И.Я. Элсберг. Устойчивая постпозитивная ф-я м-я *тотъ* (Б) в древнейшем хождении игумена Даниила возможна благодаря общей описательно-действительской направленности текста. Представлены лексические группы существительных, после которых употребляется *тотъ*. Подтверждается вывод Н.И. Толстого: ф-я артикля при ослабленной анафоре с высокой степенью уточнения не зависит от позиции.

В летописи прямой д-сис также присутствует, особенно при изложении исторически памятных событий. Так, при первом упоминании о Киевских горах в речи ап. Андрея употреблено *горы сия* (Б). В рассказе о сокрушении идолов князем Владимиром *холмо-тъ* обозначает оскверненный холм, *тотъ холмъ* - обновленный и освященный холм, на котором воздвигнут храм.

Катафорическая ф-я выражена в летописях слабо, - словами *тотъ* или *иже*.

Ф-я (З) представлена сочетаниями *братъ ѿ сея, чадъ сихъ, игумена того, новгородци ти*. Последний случай (862 г.) показывает, что запятой в современных изданиях не требуется. *Се Кий, се же Олегъ, си угри, си обри* (Л) - те, о которых идет речь в данный момент. Таким образом оформляется предметный центр контекста.

Позиция прямого дополнения, даже в случае нестрогой анафоры, служит опорой для формул типа *се слышавъ, то слышавъ, съ рекии, се рече* (Ж) и под. с глаголами мысли-речи и формой В.п. м-я, ср. *си рѣчь*. Се - при следующих за этим волевым решением действующего персонажа (князя, княгини), которое успешно выполняется; *то* - при вынужденном действии, часто ошибочном и неудачном. Это возможно при ПД, когда повествование ведется с точки зрения персонажа, а не автора.

М-е *онъ* употребляется в Лаврентьевской летописи еще с ч-цами (*же, ли*) и обязательно в контекстах с противопоставлением. В этой и Новг. I лет. (Е.А. Истрина) оно никогда не повторяет подлежащего непосредственно предшествующего предложения или части сложного. Как и в грамотах, в летописях формы *его-ему* одинаково хорошо указывают и на предметы, и на лица. Пожалуй, последней из употребившихся косвеннопадежных форм слова *онъ* является Д.п. *оному, онѣмъ*. В составе «дательного самостоятельного» она всегда обозначает личный субъект, *его-ему* может обозначать и объект, и неличный субъект:

Иному же прішедшу къ Ростиславу . и вѣрившюся јему. чташеть и Ростислав. (ЛЛ, л.56, из мат-лов Е.Ф. Карского)

Бы(с) знаменье въ слнці... бывшю ему јако м(с)ць малъ. (ЛЛ, л. 97об., из мат-лов Е.Ф. Карского)

Позже сложилось личное м-е с супплетивной парадигмой *онъ-его*. Уже в XVIII в. оно стало общеанафорическим, поскольку круг антецедентов *его-ему* (в том числе и неличных) распространился на *онъ*, а для форм *оного-оному* начальной стала сложная форма *оный*.

В летописях еще сохраняется дистантная препозиция - очень архаическая черта языка. Если препозиция связана с катафорой, то дистантная препозиция сохраняет еще особую прономинальную катафору, до становления номинальных катафоров в виде «м-е + сущ.»:

И не даша *ему* (И) ту близъ живущи; *еже* и доньнѣ наречють дунайци городище (И + Г > И) Киевѣцъ. (ПВЛ, с.13) Вместо **еже* городище...

Так же, как и утрата начального (а) *се* в заголовках, контактное расположение препозитивного ук-ого м-я и сущ-ого - признак вырождения катафорических отношений. В выражениях XVII в. *онъ Иванъ - его Ивана* их явно нет, следовательно, *онъ-его* здесь атрибутив.

Специальные сопоставления списков Лаврентьевской (XIV в.) и Воскресенской (XVI в.) летописей показали, что во второй довольно ясно наблюдается тенденция уточнять личный зависимый член предложения в виде требующихся по контексту форм м-й *его-ему*. Именно в этом состоит ф-я **личного** м-я *онъ-его*, складывающегося в это время. Ряд замен можно объяснить как изофункциональность *и = ть = онъ = се* на основе анафорических связей. Замены типа *еже море = се же море, они = сии* становятся возможными в условиях становления ЭД с возможностью демонстратива, противопоставленного первичному наглядному д-сису. К наглядному д-сису прибегают вообще реже. Замены препозитивных м-й на постпозитивные с ф-ей (К) показывают, видимо, проникновение народно-разговорного постпозитивного члена, поддерживаемое архаическими конструкциями переводных памятников письменности. Типовые замены *въ се (же) лѣто = того же лѣта* наглядно показывают переход с ПД, с многочисленными временными центрами, на ЭД, с выделением момента речи. В целом, анафорические связи летописного текста становятся намного более четко выраженными. Более регулярно занимает позицию не только подлежащего - при помощи отсылочного м-я *онъ*, - но и дополнения - при помощи м-я *его-ему*. Предикативный центр предложения возвышается настолько, что бывшие

примыкающие содержательные словоформы теперь переосмысляются как формы, управляемые глаголом. Связь управления всеми падежами без исключения, в том числе и И., требует своего формального выражения даже в том случае, когда нет переклещивания референции.

Бурное развитие атрибутивной ф-и м-й (Л) приводит к ярко выраженному факультативному артиклю без дополнительного анафорического значения.

Если летопись год за годом рассказывают о событиях, происходящих с разными героями, и часто об одном и том же человеке мы узнаем в отдаленных друг от друга несколькими годами сообщениях, то житие посвящено жизни одного человека, который выступает основным и непрерывным центром повествования. Отсюда обилие прямого д-сиса и ближайшей к нему катафоры. Так, в житии Феодосия Печерского по Успенскому сб. отмечаются следующие модели: *и се же... бѣ бо..., и се... же..., и се... Яко..., и се же... еже Яко..., сего ради... къ симъ же и..., по сихъ же... и ..., се же... и се..., се бо ... си и ина многа..., се бо... и..., се бо... же и..., нъ се... да и..., си... и...*

Прямой дейктик используется в сравнениях:

Наипаче же Яко и въ странѣ *сеи* (Б) такъ *сии* мужъ (В) *ави са .* и оугодьникъ бни-. (ЖФП, 26в, 2 - 4)

В этом сравнении используется хиазм. Он построен на реальных тенденциях языка, а не на абсолютно свободном положении ук-ого м-я. При наименованиях лиц м-е *сѣ*, *сей* быстрее и последовательнее переходило из постпозиции в препозицию, чем при наименованиях предметов. Самыми консервативными оказываются термины пространства и времени, ср. наречия *днесь*, *лѣтъсь*, *осенесь*, *восвояси*.

Ф-я (Б) устойчива в сочетаниях *житие сие*, *миръ сей*, *свѣтъ сей*, характерных для житий. Ф-я (В) развивается при отвлеченных именах сущ., часто с эпитетами: *сию горькую печаль*, *сию горькую съмръть*. Как и в других жанрах, автореферентная лексика сохраняет (Б): *повѣсть си*. В житиях *сѣ* вступает в коррелятивные отношения с м-ем *иже*: *сие... еже..., о сихъ же... о нихъ же...* Катафорическая ч-ца *то* в Сказании о Борисе и Глебе сливается с последующими наречиями: *то понѣ, то уже*. Такие обороты помогают лучше понять механизм адвербиализации выражений *то перьво > топерь > теперь, то же > тоже, то ли ко > только, то къ мо > токмо*.

В начале этого же житийного сказания встречается выражение редчайшей ф-и (Д): Стоплькь-. *иже* (Й) и оубиство *се* злое (Д) *изъобрѣтъ*. Стилистическая маркированность налицо.

Ф-я (Е) развивается на месте (Б) в житиях XVI в.: *тѣхъ повѣстеи...* Катафора переходит в область стилистики.

В Сказании о Борисе и Глебе *си слышавъ*, употребляется перед изложением собственных действий персонажа, *то слышавъ* – значительно реже и только перед его решением о действиях других лиц. Размышления святого передаются выражениями *и си* (Ж) (что было изложено выше) *на оумѣ си помышляя, си на умъ положивъ* (перед собственным действием); *и та вся* (Ж) *полагала въ срѣци-* (перед

молитвой ко Господу). В условных синтаксических моделях *то* употребляется даже более регулярно, чем *аще*. Возможно отсутствие условного союза:

И ты борисе брате оуслыши гласа моего. оѣа моего васіліла призвахъ и не послуша мене. *то* (Ж) ни ты не хочеши мене послушати. вижъ скръбъ срдѣца моего. (СкБГ, 14в,3 – 9) В этом случае между частями сложного предложения семантические отношения обусловленности осложняются сопоставительностью.

Иногда, в отсутствие союза, появляется форма *та* (ср. та же 'тогда'):

(Феодосий) Онъ же (Й) вѣставъ ноцію и не вѣдоущю никому же. *та* (Ж) изиде из домоу своѣго. (ЖФП, 28в,27)

Такие контексты показывают функциональную близость и этимологическое родство ч-ц *та* и *да*.

В контексте 1-го лица возможно противопоставление *си* : *то*:

(Размышления Святополка Окаянного после убийства Бориса) Аще оуслышать мѣа братѣа моя *си* же (Ж) варивъше. въздадѣа ми и горыша *сѣхъ*. (Ж) аще ли не сѣе *то* (Ж)... (СкБГ, 13а,4 – 11)

В ф-и (Й) в житиях активно используется относит. м-е *иже*. М-е *онъ* остается в житиях Успенского сб. ук-ым и со своей парадигмой *онъ-оного*. Однако всегда, помимо указательности дальней степени, *онъ* является средством анафорическим, *съ* – чистый дейктик. Именно такие кореферентные синтагмы, как ...*съ нимъ, онъ же*..., способствуют сложению новой парадигмы *онъ-его*.

Появление ф-и (К) обусловлено окружением м-й с ф-ей (Й), организующих длинные кореферентные цепи (...*злии они*..., ...*въ домоу томъ*..., ...*кромѣ манастиря сего*... *въ манастири семь*..., ...*въ манастири томъ*..., ...*чърноризць тѣ*...), следовательно, выражает факультативный артикль. *Онъ* в этой ф-и имеет смысл 'давно не упоминавшийся': *оканънии же они оубоицѣ, прѣже речении ѿнѣ болѣринѣ*.

В житии Феодосия Печерского ф-и (Б), (З) и (К) хорошо представлены в аутореферентной лексике (*слово се, медоточньныхъ тѣхъ словесъ, псалмьскоје оно слово, дховньныхъ тѣхъ словесъ, глас онъ*), в наименованиях мест (*мѣсто то/се, гора сѣа, островъ тѣ, страна сѣа/та, градъ сѣй/тотъ, манастирь сѣй/тотъ, храмъ тѣ, пещера сѣа/она*), обозначениях времени (*преже дни оного*), наименованиях лиц (*въ родѣ семь, с(вѣ)тааго сего отрока, прозвутеру томоу, оцѣ- тѣхъ, от оцѣ- тѣхъ, блженуоумоу семоу, стѣи- оубо си наставникъ, преподобнааго сего моужа*), отвлеченных понятиях (*поутѣмъ тѣ(мъ), свѣтъ сѣи маловерѣменньи, житиѣа сего, въ житии семь, мира сего, отъ прельсти той, въ искушении томъ, искушению ѿмоу, благаѣа она*). В отличие от грамот, имеются в виду разные точки зрения на один и тот же объект, а не разные объекты. Дейктические системы житийных текстов обычно включают не менее трех членов - *съ, тѣ* и *онъ*.

Ф-я (Л) уже в ранних житиях довольно распространена, в том числе при наименовании лиц с эпитетами и без них, иногда в противопоставлении *съ* : *онъ* или *съ* : *тѣ* : *онъ*.

Представим сводную таблицу основных ф-й указательных м-й в разных жанрах древнерусской письменности. Если наблюдается устойчивая историческая тенденция к повышению или понижению регулярности выражения той или иной ф-и, то это отмечается, соответственно, знаками «<» и «>».

Жанровые разновидности	Функции указательных местоимений											Основные е + доп. дейктики	
	(А)	(Б)	(В)	(Г)	(Д)	(Е)	(Ж)	(З)	(И)	(Й)	(К)		(Л)
Эпиграфика и приписки	+ >	+ >	- <	+ >	-	-	+	-	-	+	+ >	+	сь + ть его
Грамоты	+ >	+ >	+ <	+	-	- <	+ >	-	- <	+ <	-	+ <	ть его + сь онъ кто что который
Своды законов	+ > (+) 7	- (+)	+	+	+ >	+	+ <	- (+)	+	+ <	-	+	ть его + сь онъ иже
Хождения	-	+	+ <	-	-	-	-	+	+	+	+	+ <	ть + сь онъ его иже
Летописи	+	+ >	+	+ <	-	-	+ <	+	+	+ <	+	+ <	сь ть онъ его + иже овъ олны
Жития	+	+	+	+	+	- <	+	+	+	+	+	+	сь ть онъ его иже + кто что

В конце 4-й главы изложена новая версия происхождения ч-цы-союза и - самого частотного слова русского языка. Развивается гипотеза о происхождении его из формы И.п. м., а возможно, и ж. (личного) рода анафорического м-я *i- (лат. is). Версия его происхождения из формы локатива *ei, известной в греч. и гот., не выдерживает критики, поскольку в этих языках она имеет устойчивое значение подчинительного союза. Но подчинительные союзы в сочинительные не развиваются.

В ранних текстах наиболее распространено соединение этим словом предложений с подлежащими в Им.п. или выраженных подлежащих в И.п., что показывает бывшее согласование по этому падежу. Модель *и...*, *и...* представляет собой наследие индоевроп. диптиха (Фр. Бадер). Развилось добавочное значение

⁷ В скобках указаны ф-и, характерные для переводных «Мерил Праведного» и «Закона судного людем».

‘больше нормы’ (В.З. Санников). Ср. *то... то...*, а также былинный анафорический повтор как средство ретардации (З.К. Тарланов).

На мат-ле Остромирова Ев., древнейших списков Апостола, оригинальных житий Успенского сб. и списков Повести временных лет подробно рассматривается открытое Н.М. Каринским в псковских списках XV в. Пролога «вставное и». Это труднообъяснимое явление обильно представлено в периоды 1-го и 2-го южнославянских влияний. В переводах с греч., *и* часто появляется там, где отсутствует греч. союз *καί*. Переводчики и переписчики свободно добавляли или восстанавливали древнейшие *и*, служившие соотносению *и*, отсюда, композиционной связи синтагм друг с другом.

Примеры из Успенского сб. с повторением *и* в виде нередкого контактного *иже и, и... иже..., иже... и...* с согласованием или (что показательно) без такового, особенно важны для понимания механизма развития соотносит. варианта относительной связи в соединительную: *иже к богу за ны и молитвы творить*.

Плодотворны сравнения с иранским изафетом (с учетом распространения славянского *и* с юга на север), ф-ями дринд. союзов с основой *уа-*, кельтским союзным словом *ю*, а также с определенным артиклем (*а вот и* + сущ., Т.М. Николаева).

Исконное анафорическое (отсылочное) средство *и* «оторвалось» от своей парадигмы *его-ему*, сохранив за собой ф-и ч-цы-союза.

В пятой главе «Опыт синтеза. Местоимения в свободном и связанном виде с точки зрения изоморфизма слоگو-, слово- и фразообразования. Следствия в области менталитета» дается интерпретация полученных данных исходя из единого реального процесса развития системы русского языка и мышления. Письменная культура, особенно до разбиения текста на слова, хорошо отражала устное говорение, стратегию построения текста и принципы мышления. М-я в этом отношении представляют собой, хотя и обобщенный и разнообразный, но надежный высокочастотный материал.

Модель агглютинации местоименных основ раскрывает условия перерастания внутренней формы слов во внешнюю, реконструирует технику словопроизведения. Дейктическая и анафорическая ф-и, сохраняя свои следы, преобразуются в словообразовательные и морфологические значения формантов. Свободные ф-и, при всей исторической перегруппировке местоименных лексем и при всем сильном изменении их морфологии, принадлежат одним и тем же очень архаическим основам. Со временем их число не только не пополняется, но, наоборот, сокращается вплоть до единственной современной указательной основы -т-. Так осваивается фонд указательного поля русского яз.

Как и предикативный центр предложения, в истории речемысли выделяется говорящий субъект - новая точка отсчета. Прежний предметный центр, создающий множество обратных перспектив, нуждался в сильном средстве укрепления текстовой цельности и связности. Таким средством послужили м-я. Обязательной предпосылкой внутритекстовой связности является связь текста с внешней действительностью. Собственно говоря, отношения окружающего мира переносятся в текст, и этому способствует ф-я прямого д-сиса.

М-е съ употреблялось очень активно как первичный наглядный дейктик ПД. С опорой на эту ф-ю развивались и катафорические употребления этого м-я. М-е *тъ* могло и удерживать катафорическую ф-ю, и широко распространять некатафорическую анафорическую ф-ю, на основе которой складывались синтаксические структуры «паратактического подчинения». Как в градуальной системе *съ : тъ : онъ* оно выступает нейтральным обобщающим звеном, так и в речи *тъ* синкретично связует предшествующий и последующий контекст, являясь фокусом высказывания. Чисто анафорическая ф-я с ограничением отсылки к лицу свойственна субстантиву *онъ*, что совпало по ф-и с исконным анафорическим м-ем *его-ему*. В XV - XVII вв. слово *онъ-его* входило в лексическую парадигму личных м-й.

В древнейшей эпиграфике, житиях, ранних хождениях и ранних сообщениях летописи распространена постпозиция атрибутивного дейктика. Считаем, что это может быть наследием тех сочетаний, которые дали, напр., соматизмы *оухо, брюхо* (х<*s), *оусъ, очесе, оушесе, чръвесе, тѣлесе* (Р.п.), *истеса, ложесна, власть, перси; кость, пята, персть, челюсть, локоть, нозоть, грудь, борода, владъ; селезень* (м.р.), *печень* (ж.р.), *плесна, десна, колено, голень, длань, рамене, тѣмене* (Р.п.). Нейтральный дейктик -*т//д-* в наименованиях частей тела, всегда показывающих субъективное отношение, ограничен признаком костной или волосной ткани. Таким же образом рассматриваются термины родства и наименования веществ.

Между максимально связанным и максимально свободным видом местоименных основ можно выстроить градацию: 1) полностью интегрированные в морфологическую систему связанные формообразующие; 2) сохраняющие индивидуальность лексической группы или даже отдельной лексемы (*стру-н, стекл-ярус*) – связанные словообразующие; 3) не развивающие своих морфологических парадигм свободные местоименные ч-цы (*се, то, и*); 4) сохраняющие местоименное значение изменяемые свободные м-я (*то-й – то-го...*), внешняя флексия становится формообразующей, 5) свободные производные отместоименные слова (*здесь, здешний; потом, потомок, итог*), в которых дейктическое значение в той или иной мере переходит в номинативное, внешняя флексия (1) здесь находит свою противоположность – корень.

В отличие от корней слов символического поля языка, корни указательного поля однофонемные. Сонанты легли в основу древнейшей оппозиции *i : *u с менее выраженными противопоставлениями -м//б- : -н- и -р- : -л-, однако наиболее ярко в славянской системе м-й и формантов действовали шумные -к- : -т-; -с//з- : -т//д-. Именно шумные смычные закрепились в виде тематизированных местоименных основ ко-, то-. К ним примыкают щелевые основы отсылочного м-я *je-* и указательного ближайшей степени дальности *се-*. М-я самых дальних степеней дальности, основы которых в фонетическом отношении оказываются сонорными, помимо этого, «тематизируются» не только справа, но и слева: *оно-, *оло-, ово-, ср. оного, ового*. В процессе словопроизводства бывшие м-я участвуют уже как консонантные основы, которые затем тематизируются в составе производных основ. Их вокалические варианты *i и *u способны создать известные сл/изм-ые классы, но для успехов в образовании новых слов для этих суффикс требуются либо производящие основы на гласный, либо вокалические расширения слева.

Идея изоморфизма (Е. Курилович) может служить не только обобщением некоторых уже найденных закономерностей языка, но и исходным принципом, служащим для систематизации и исторического объяснения языковых фактов. Так, ведущая роль консонантных местоименных основ при выполнении ими ф-и словообразования должна быть сопоставлена с главенствующей ролью гласного в слоге. Тогда справедливо пропорциональное соотношение согласный : гласный (в фонетике) = морфема : ее форматив (в словообразовании) = имя : местоимение (в лексике).

Древнейшие постпозитивные ч-цы формировали падежные значения на уровне словосочетаний (прежде всего - глагольно-именных) точно так же, как современные союзы формируют синтаксические значения придаточных предложений. Те местоименные основы, которые проникли в основу полнознаменательного слова и стали словообразовательными формантами, приобрели силу словообразовательных значений. Первичный дейктик, как лексема указательного поля языка, таким образом, переживает четвероякую судьбу: либо она 1) застывает в виде синтаксической бесформенной ч-цы, которая в дальнейшем развивает союзную ф-ю, либо она 2) остается полноценным м-ем - субстантивом с парадигмой своих собственных морфологических форм, либо она 3) агглютинируется полнознаменательной основе в виде словообразовательного форманта и тогда может «обрастать» различными формативами, либо она 4) становится праславянской внешней флексией (морфологическим окончанием). В первом случае дейктическое значение становится синтаксическим; во втором случае остается дейктическим либо развивает анафорическое значение и тогда, помимо субстантивной, имеет еще и атрибутивную ф-ю, вплоть до артиклевой; в третьем случае становится словообразовательным, производя модификацию и, при разных внешних воздействиях, мутацию лексического значения производящего слова; в четвертом случае формирует падежное и личное значение именных и глагольных словоформ, причем падежные значения развиваются в направлении от обстоятельственных к объектным, а личные - от видовых и модальных к временным. Дейктическая ф-я наполняется все новым и новым содержанием и все лучше дифференцируется, приспособляясь к закономерностям языковой системы и все лучше и лучше выражая их.

При этом выстраиваются пропорциональные оппозиции: символическое поле языка : номинативное поле языка = м-е : имя = формант : основа = внешняя флексия : внутренняя флексия = ч-цы : полнознаменательные слова предложения. Исторический сдвиг субстантивного м-я в атрибутивное - наглядное свидетельство усиления синтаксической перспективы, в которой м-е уже не замещает имя в тексте и не служит парадигмой (образцом) его склонения по родовым классам в языке, а определяет имя, становясь анафорическим и даже артиклевым.

Из принципа изоморфизма вытекает одна важная задача, которая не была поставлена в данной работе, но которую следует поставить в ближайшем будущем: проследить корреляцию свободных и связанных ф-й м-й. Так, если ч-ца *тъ* следует после глагола, *тъ*, и или *а* + глагол или имя в И.п. (*тъ тъ его воля*; *тъ тъ ли дѣтъськи не исправить*; *оже оубыють и тъ тъ оубить*; *а имуть тъ того челоуѣка*), то инф. на -ти невозможен. При инфинитиве возможно только *то тъ* или просто *то*

(*то мьстити*). *То* не отсылает к лицу, поэтому не согласуется с окончанием личного глагола -ть.

Более ясный случай обсуждаемого здесь лексико-синтаксического изоморфизма представляют собой предлоги-приставки, употребляющиеся в свободном и связанном виде при одном и том же глаголе. З.К. Тарланов предлагает подобные морфемы называть изоформантами. В гл. 2-й изучались местоименные изоформанты.

Закономерность, согласно которой 1) постпозиция указательного м-я существительному : постпозиция части сложного предложения с ук-ым м-ем (ч-цей) = 2) препозиция указательного м-я сущ-ному : препозиция части сложного предложения с союзом или относит. м-ем, соответствует изоморфизму словосочетания и предложения и историческому порядку перехода первого соотвестствия во второе. Однако м-е на разных уровнях попадает в разные зависимости: 1) определяемым конституирующим членом (Е. Курилович) в случае атрибутивной ф-и м-я в словосочетании является существительное; 2) определяющим конституирующим членом в случае субстантивной ф-и м-я в предложении является предикативное имя (*то гривна кунь*) или глагол (*то мьстити*). Только во втором случае м-е остается исконным м-ем - заместителем имени, поэтому только в предложении оно раскрывает свои исконные дейктические и неослабленные анафорические ф-и.

Рассматривается действие 1-го и 2-го законов Ваккернагеля, приводящих словосочетание к слову. Свободные ф-и преимущественно ук-ого (*сь*), ук-отсылочных (ук-ых анафорическ) (*ть, онъ*), чисто отсылочного (*его*) и относит. (*иже*) м-й рассматриваются по Э. Виндишу.

В целом, можно выделить 3 основных исторических ступени функционального воздействия ук-ых, анафорического и неопр.-вопросит.-относительного м-й на систему яз.:

1) Къ-то; голо-сь, тьпъ-тъ, дь-нь, зву-къ; крьсть си, днь-сь; земля-та. Степень постпозитивного употребления. Им.п. не входит в парадигму (ср. скл. на *-согл.), откуда ч-цы *и, то, се*. Ук-ые м-я образуют новые слова или оформляют паратактические синтаксические модели. Постпозитивный артикль развивается только в периферийных диалектах. В результате переразложения гласные производящих основ соединяются с первичными м-ми - суфф-ми (-ь-н-), в дальнейшем происходит процесс опрощения и складываются более длинные форманты (-тельн-). Язык представляет собой конгломерат эквиолентных оппозиций типа *грамота си : грамота та*. В появлении таких оппозиций участвует суффикс -л- из *olъ (да-л-ъ : да-н-ъ).

2) Развитый паратаксис, в т. ч. потебнианское «паратактическое подчинение», позволяет создать не только модели *и... и...*, но и *а(же)...* *то...*, *кто...* *то(ть)*. Слово в виде конкретной словоформы также выделилось из потока речи, и наряду с такими синтаксическими моделями, после переразложения, складываются модели собственно морфологического слово-, а затем и формообразования. Субстантивные ук-ые м-я развиваются как свободные и сами формируют свою морфологическую парадигму. Отсылочное м-е *его-ему* функционирует с недостаточной парадигмой, наподобие современных *себя* или *некого*. М-е *то* активно участвует в образовании

вопросно-ответных относит. моделей типа *кто... тотъ...*, в которых оно развивает собственно местоименную анафорическую субстантивную ф-ю. Ук-ое м-е в таком «паратактическом подчинении» важнее (стабильнее и обобщеннее) относительного, которое переосмысливается в союз (*иже, еже*) или заменяется таковым (*аже, аще*). Все это происходит еще в условиях преобладания ПД. Формируется синтаксическая перспектива простого, но пока еще не сложного предложения. М-я иерархически распределяются в градуальной оппозиции *сей : тотъ : оный*.

3) Препозиция ук-ого м-я позволяет развить строгую анафору и факультативную определенную референцию (артиклъ). На уровне словосочетания, в котором выдвинулось главное слово (имя), м-е входит в единую анафорическую именную группу с таким именем (*та(я) пожня*), анафора ослабляется, референция усиливается. На уровне предложения оформляется такая же по типу группа *...того, кто...*, в которой относит. м-е оказывается важнее как показатель гипотактического подчинения определенного типа; при закреплении в языке таких новых конструкций складываются уже структуры сложноподчиненных предложений, в которых ук-ое м-е или ч-ца становятся и вовсе факультативными. Формируется синтаксическая перспектива сложного предложения. Свободные анафорические субстантивные м-я кажутся теперь субстантивациями: сложилась вторичная обратная мотивация, как в слове *жажда* или *чувство* (В.М. Марков, Г.А. Николаев). Субстантивные м-я продолжают выполнять ф-ю нестрогой анафоры (*это*) и порождают множество местоименных наречий. Д-сис становится эгоцентрическим. Появляется новое слово - м-е 3-го лица с полной супплетивной парадигмой *он-его*, которое сосуществует со старым отсылочным *его* без формы Им.п. В последние 2-3 века это м-е выходит из разряда личных и соединяется со старым отсылочным *его*: слово *он-его* расширяет свои ф-и до отсылочно-личного м-я и поглощает таким образом старое общеоотсылочное м-е *его*. На этой ступени действует привативная оппозиция *сей, этот : тот, оный*.

На первой ступени предметы мысли определяются с точки зрения их собственных свойств, возможно номинативное предложение, много имен деятеля. В основе лежит эквиполентная оппозиция. На второй ступени предметы мысли «расставляются» относительно друг друга точно так же, как они «сосчитываются» при образовании формы ед., дв. или мн. числа. На третьей ступени становится возможной новая определенность имени в тексте за счет препозитивных аналитических элементов - атрибутивных ук-ых м-й. Предметы мысли располагаются теперь с точки зрения говорящего, всякое иное их расположение воспринимается как перенос, стилистический прием, риторическая фигура. Это состояние можно сравнить с новой категорией глагольного вида - *читать : прочитанье* = *стол : сей (этот) стол*. Кореферентные цепи достигают очень больших размеров, внутри которых уже не происходят метонимические сдвиги, переключающие референцию. «Скольжение определенности» (В.В. Колесов) уходит в прошлое вместе с градуальной оппозицией ук-ых м-й, которые (прежде всего *тотъ*) развивают собственно артиклевую ф-ю в результате усиления строгости анафоры.

Практически в течение всего Средневековья в русском языке можно обнаружить действие местоименных основ двух градуальных рядов: без наращения *је- : се- : то-*

и с наращением слева в виде ч-цы о-: он- : *ol- : ов-. Средние члены обоих рядов оказались самыми слабыми в свободном виде и очень сильными в связанном виде. - Л- стало показателем прошедшего времени, наряду с *-s- аориста, и в конце концов вытеснило его; на долю суффикс *-s- осталось 1-е действ. причастие пр. вр. (так же, как на долю форм на -л- - причастие 2-е) и многочисленные имена, в частности формы сравнит. степ. М-е *olъ неизвестно даже первым памятникам письменности, а м-е сей в конце концов также вытесняется новейшим *этот*.

Первый член второго ряда *п в германских, романских языках и болгарском (*еден*) стал неопределенным артиклем. Второй член ряда *l – определенным артиклем в романских языках (Номиналистическая единичность, эстетический взгляд на вещи.) Третий член *u/v – показателем многократности и неопределенности в славянских глаголах (-ова-, -ыва-). (Реальная характеристика не референта, но его динамического определения, ср. новый показатель определенности *и-его-ему* после прилагательных – статических определений.)

Самым распространенным и нейтральным во всей системе дейктиков в центральноиндоевропейских языках является член *t/d. В германских языках и болгарском он дал определенный артикль (концептуалистическая единичность, рационально-логический взгляд на вещи, в болг. - в условиях отсутствия падежной определенности), в чешском, русском деловом развил квазиартиклеву (т.е. факультативную, для специальной лексики) ф-ю ук-ого м-я. *Tom/mo* - необходимый элемент русских местоименно-соотносит. моделей и, позже, конструкций. Интересно, что как это м-е, так и параллельное ему м-е второго ряда дали: первое - сочинит. союз *то... то...*, второе - парное определит. м-е *овъ... овъ...*; и то, и другое - со знач. альтернативы. 'Другой' - это и означает 'далекий' (ср. лат. *alter*). В новых условиях ЭД в русском языке м-е *тотъ* дало производное ближайшей степени дальности *этойъ*, а в сербском языке м-е *овъ* дало семантическое производное этой же степени дальности.

Первые члены обоих рядов объединились в супплетивную парадигму русского отсылочно-личного местоимения 3-го лица.

Полученные данные сопоставляются с наблюдениями в области исторической психологии и литературной герменевтики, что позволяет более объемно описать изменения в менталитете, выражающиеся в изменениях дейктической системы.

Делается попытка непротиворечиво приспособить теорию артикля, развитую преимущественно на германском историко-лингвистическом материале, к истории русского языка.

В **Заключении** формулируются нерешенные задачи, возникшие в ходе исследования.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях.

Монография:

1. Связанные и свободные функции местоименных основ в истории русского языка. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2011. 339 с.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

2. А.С. Шишков и перспективы академической лексикографии славянорусского языка (к вопросу о словарном двуязычии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.2. 1996, вып.4. С.31-40.
3. Эловая форма и аорист в языке берестяных грамот // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2007, вып. 4, ч. I. С.43-54.
4. Явление прономинализации сущ-ных в древнерусских текстах (*си сторона, то мѣсто, онъ поль* и др.) // Русская историческая лексикология и лексикография / отв. ред. проф. О.А. Черепанова. Вып.7. СПб., 2008. С.82-109.
5. «Вставное И» Н.М. Каринского // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2008, №3. С. 71-82.
6. О возможности соотнесения свободных и связанных местоименных основ в русском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2009, вып. 3. С. 165-176.
7. Индикация имен указательными местоимениями в эпиграфике, приписках и деловой письменности XI-XVII вв. // Русская историческая лексикология и лексикография / отв. ред. проф. О.А. Черепанова. Вып.8. СПб., 2010. С.159-173.
8. [рец.] Вопрос о синкретизме (Пименова М.В. Красотою украси: Выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир: Филологический факультет СПбГУ; Владимирский гос. пед. ун-т, 2007. - 415с.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистии. 1 (39), март, 2010. С. 117-123.
9. [рец.] Рецензия на книгу: Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих ч-ц»). Серия «Studia philologica» М.: Языки славянских культур, 2008. 375 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2009, вып.4. С.262-265.

Статьи в научных журналах, сборниках научных трудов и материалах научных конференций:

10. О переходе дейктической системы "сей - тот - оный" в "этот - тот" // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989.
11. Переходные парадигмы русского литературного яз. XVI-XVIII вв. // Мат-лы XXXI всероссийской науч.-метод. конф. препод. и асп. 11-16 марта 2002 года. Вып.3. Ч.1. История русского яз. Русская диалектология. Яз. и ментальность. СПб., 2002. С.24-28.
12. Оценка исторических преобразований парадигм (на мат-ле русского яз.) // Петербургское лингвистическое об-во. Научные чтения - 2003. С.-Петербург, 15-17 декабря 2003 года. Мат-лы конференции. СПбГУ, 2003 [=Приложение к журналу "Яз. и речевая деятельность", т.5]. СПб., 2004. С. 34-38.
13. Оценка исторических преобразований парадигм (на мат-ле русского яз.) // Петербургское лингвистическое об-во. Научные чтения - 2003. С.-Петербург, 15-17 декабря 2003 года. Мат-лы конференции. СПбГУ, 2003 [= Приложение к журналу "Я. и речевая деятельность", т.5]. СПб., 2004. С.34-38.
14. "До чего мы дожили, о россияне!" (Функции "эловых" глагольных форм в панегириках петровского времени) // Мат-лы XXXIV междунар. филологическая конф. 14-19 марта 2005 года. Вып.5. Секция истории русского яз. Ч.1. СПб., 2005. С.3-7.

15. Агглютинация внешних именных флексий -И и -Ы в значениях множественного числа // Мат-лы XXXV междунар. филологическая конф. 13-18 марта 2006 года. Вып.6. История русского языка и культурная память народа. СПб., 2006. С. 37-43.
16. Реконструкция ментальности как проблема лингвистической палеонтологии // Мат-лы XXXVI междунар. филологическая конф. Вып. 7. Русский яз. и ментальность (12-17 марта 2007 г.). СПб., 2007. С.23-27.
17. Морфолого-семантический способ словообразования // Грани русистики. Филологические этюды. Сб. ст., посвященный 70-летию проф. В.В. Колесова. СПб., 2007. С. 448-458.
18. Проверка русским материалом гипотезы Ф. Боппа о местоименном происхождении формантов // Грамматические категории и единицы. К 100-летию проф. А.М. Иорданского. Мат-лы Седьмой междунар. конф. Владимир: ВГПУ, 2007. С.90-91.
19. Происхождение модели образования существительных типа *запятая, мостовая, учительская, парадная* // Мир русского слова и русское слово в мире. Мат-лы XI-го Конгресса МАПРЯЛ. Т.3 «Русский язык: диахрония и динамика языковых процессов. Функциональные разновидности русского языка». София, 2007. С.65-68.
20. Классификация русских местоимений по Ф.И. Буслаеву // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. Вып. 5. Воронеж, 2008. С. 111-116.
21. Дейксис и номинация (указательные местоимения, личные «местоимения» и имена) // Философская мысль и философия языка в истории и современности. Уфа, 2008. С. 167-173.
22. Действие словообразовательных формантов местоименного происхождения в современном языке // Русский язык и ментальность. Мат-лы секции XXXVII междунар. филологической конф. 11-15 марта 2008 года. С.-Петербург. СПб., 2008. С. 20-27.
23. Действие семантического способа словообразования на уровне формантов // История русского языка и культурная память народа. Мат-лы секции XXXVII Междунар. филологическая конф. 11-15 марта 2008 года. С.-Петербург. СПб., 2008. С. 37-43.
24. Разбор анафорических отношений в древнейших смоленских грамотах // Ментальность и изменяющийся мир [=Серия «Славянский мир», вып. 1]. Севастополь, 2009. С. 259-272.
25. Се, сје, *сіє, сі'о, сло, сїо, сьо, *сѣ, ето, *ѣто, это: орфография некоторых прецедентных форм указательных местоимений в XVIII в. // Русистика: прошлое и настоящее национального яз. Сб. ст., посвященный 70-летию проф. Б.И. Осипова. Омск, изд-во Омского гос. ун-та, 2009. С. 64-84.
26. Дейктическая и анафорическая функции указательных местоимений в рбсской деловой письменности XII - XVII вв. // Языковые категории и единицы: синтаксический аспект: Мат-лы восьмой междунар. конф. (Владимир, 24-26 сент. 2009 г.). - Владимир: ВГТУ, 2009. - 440 с. С. 88-92.
27. Формулы, содержащие указательные местоимения, как фактор цельности древнерусского текста // Русский язык как фактор стабильности государства и

нравственного здоровья нации. Труды и мат-лы второй Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2010. Ч. 2. С. 306-312.

28. Местоименные функции указательности, отсылочности и относительности в истории русского языка // Лингвистическая герменевтика. Вып. 2. Сб. научн. трудов к 75-летию проф. И.Г. Добродомова. М., 2010. С.17-22.

Добродомов

Подписано в печать 25 марта 2011 г. Формат 60 x 84 1/16.

Авт.л. 3,0. Тираж 100 экз. Заказ № 848.

Филологический факультет СПбГУ

ОНУТ филологического факультета СПбГУ

199134 Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11.

